

Глава 8

Сквозь строй

Я стал смотреть туда же и увидел посреди рядов что-то страшное, приближающееся ко мне. Приближающееся ко мне был оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его. Рядом с ним шел высокий военный в шинели и фуражке, фигура которого показалась мне знакомой. Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне, то опрокидываясь назад — и тогда унтер-офицеры, ведшие его за ружья, толкали его вперед, то падая наперед — и тогда унтер-офицеры, удерживая его от падения, тянули его назад...

Шествие стало удаляться, все так же падали с двух сторон удары на спотыкающегося, корчившегося человека, и все так же били барабаны и свистела флейта, и все так же твердым шагом двигалась высокая, статная фигура полковника рядом с наказываемым.

Знаменитый толстовский рассказ «После бала» повествовал не только о чудовищной бесчеловечности наказания шпицрутенами, оборачивавшегося зачастую мучительнейшей смертной казнью. Он ставил истинно толстовские вопросы об ответственности за муки ближних, о том, что их невозможно оправдать никакими «высшими соображениями», об очищающей силе сострадания. Он говорил о лицемерии барской культуры николаевского общества и о том, что незамутненная совесть случайного свидетеля экзекуции заставила его отказаться от военной службы, от любой службы царю, ибо это служба силам зла.

Толстой не раз возвращался к этой теме лицемерия общества, допускавшего и оправдывавшего убийство шпицрутенами, — в «Посмертных записках старца Федора Кузмича», в статье «Николай Палкин», в дневнике; в «Хаджи Мурате» с убийственной откровенностью рассказывается о жестоком лицемерии самого царя, приговорившего поляка Бжезовского вместо смертной казни к 12 000 шпицрутенов: «Николай знал, что двенадцать тысяч шпицрутенов была не только верная, мучительная смерть, но излишняя жестокость, так как достаточно было пяти тысяч ударов, чтобы убить самого сильного человека. Но ему приятно было быть неумолимо жестоким и приятно было думать, что у нас нет смертной казни».

В основу рассказа «После бала» (написанного по просьбе Шолом-Алейхема для сборника в пользу пострадавших от погрома в Кишиневе)

ве евреев) был положен эпизод из жизни брата Толстого, Сергея Николаевича, увидевшего в Казани экзекуцию, которой руководил отец любимой им девушки. В рассказе подобное событие излагается от лица некоего Ивана Васильевича, которого жуткое зрелище наказания беглого солдата-татарина заставило в конце концов отказаться и от любимой девушки, и от служебной карьеры. Иван Васильевич рассказывает об этом в подтверждение того, что человек независимо от среды может «сам по себе понять, что хорошо, что дурно». В центре внимания автора — переживания Ивана Васильевича, и экзекуцию мы видим его глазами. Что думал, что чувствовал забиваемый на смерть наказуемый — мы не знаем, Толстой не решается писать об этом; Иван Васильевич расслышал лишь два слова, которые татарин обращал к солдатам: «Братцы, помилосердствуйте» («но братцы не милосердствовали», ибо милосердных тут же избивал полковник).

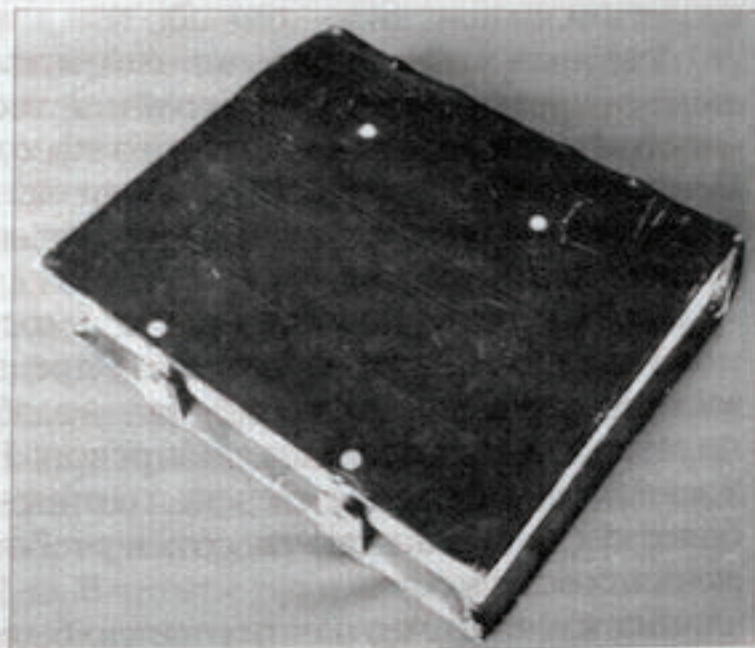
Рассказ Л. Н. Толстого был написан в 1903 г. В 1977 г. экспедиция опытных археографов Е. И. Дергачевой-Скоп и В. Н. Алексеева привезла из Красноярского края в Новосибирск рукописную книгу 1880-х гг., переплетенную в доски, с двумя медными застежками, восемью медными же спями и сложным рисунком тиснения. В книге четким полууставным почерком был записан подробный рассказ одного из шести оренбургских казаков, прогнанных в 1854 г. сквозь строй. Его рассказ об экзекуции, как и рассказ Ивана Васильевича, подчиняет повествование о страшном наказании высокой этической и философской цели, осуждению мира зла. Но в одном случае перед нами толстовское мировоззрение, а в другом — народное, выраженное традиционным языком эсхатологии.

Привезенная книга состояла из двух памятников. Первый, повествовавший о мучениях оренбургских казаков, имел заглавие: «Повесть дивная и зело душеполезная, в ней же подробну писана житие и страдание, труды и поснические подвиги святых новых мученик и исповедник последнего времени».

Повесть эта была написана на 231 листе в 4° одним почерком. Бумага во всей книге также одна, со штемпелем «Успенской фабрики, № 6» в фигурном картуше (по справочнику С. А. Клепикова — 1880-е гг., № 209). Текст «Повести» не окончен, оставлено еще несколько десятков чистых разграфленных листов, после которых на такой же бумаге тем же почерком переписан на 24 листах очень популярный в народной среде памятник византийской литературы «Житие и страдание святых великомученицы Екатерины девы премудрой». Воспринятая древнерусской литературой житийная традиция, ставшая образцом для подражания в народной старообрядческой пись-

менности, оказала несомненное влияние на автора повести о мучении оренбургских казаков, наказанных шпицрутенами в 1854 г., в «последнее время» воцарившегося на русском престоле антихриста, за категорический отказ служить этому антихристу.

«Повесть дивная» создавалась как житие одного из наказанных, Владимира Трегубова, который остался жив и стал впоследствии одним из авторитетных скитских старцев Алтая. Она насыщена ре-

«Повесть дивная»

альными именами, фактами; многие события, из числа упомянутых в ней, очень важные в той системе ценностей, которая была принята в этом сочинении, для любых официальных источников были столь незначительны, что не имело никакого смысла искать в этих источниках упоминания о них (в том числе — многие житийные чудеса, связанные с повседневными деталями арестантского быта, как, например, наложение на Владимира промыслом Божиим в каторжной тюрьме более свободных оков, удобных для побега). Но кульминация «Повести» — военный суд и наказание шпицрутенами должны были как-то отразиться в официальных документах; тем более, что автор «Повести» сообщал, что делом занимался сам царь Николай I, которого обвиняемые аттестовали военному начальству как антихриста.

Конечно, утверждения повести о том, что дело решалось на столь высоком уровне, могли оказаться понятным преувеличением. Но в любом случае стоило предпринять поиск в архивных фондах военных ведомств николаевской империи.

Центральный государственный военно-исторический архив. Он расположен в прекрасном памятнике московской архитектуры XVIII в. — в Лефортовском дворце. И хотя в феврале 1982 г., когда я появился там, трудоемкая реставрация обширного здания была еще в самом разгаре, уже прекрасно было видно, как выигрывает дворец в результате кропотливой работы реставраторов, как все яснее проступают неповторимые черты светской архитектуры «осмнадцатого столетия».

Удобный, вполне современный читальный зал архива почти безлюден — резкий контраст с крайней теснотой переполненного десятками исследователей главного «феодалного» архива страны — Центрального государственного архива древних актов, где работники читального зала едва успевают подавать исследователям затребованные дела.

Моя ежегодная командировка в московские архивы была на самом исходе, и я истратил более чем предполагал времени на разгадывание в ЦГАДА огромного ребуса — «разбитого» (т. е. с перепутанным порядком листов) столбца Сибирского Приказа в 418 листов, содержащего новые важные сведения о присылке в конце XVII в. в Сибирь более тысячи книг, включая сотни учебных. Времени на ЦГВИА оставалось совсем в обрез.

Естественно, что начинать надо было с фонда 1445 — войскового штаба Оренбургского казачьего войска, ведь подсудимые были казаками. Однако оказалось, что в нужной мне описи фонда значилось только четыре дела; правда, три из них относились к суду над разными казаками-старообрядцами, но все эти судебные расправы происходили несколько позднее, в 1860-е гг. и к нашей «Повести» прямого отношения не имели.

Оставался другой, гораздо более сложный путь: фонд главного военно-судебного ведомства империи, Аудиториата (ф. 801). Дело в том, что этот колоссальный фонд, насчитывавший более полутора тысяч единиц хранения, имел крайне сложную структуру и систему описей. Описи обычные, алфавитные, по столоначалиям, по связкам дел, различные описи описей. «Повесть» сообщала имена и фамилии пяти из шестерых главных обвиняемых (Максим, Петр, Владимир Трегубовы, Евдоким Кокушкин, Иван Крылов) и одного из второстепенных (Роман Горячий; позднее оказалось, что в деле он проходил под другой фамилией — Киселев). Поиск этих имен в десятках тысячечелюстных описей занял бы не один месяц. Без помощи человека, хорошо знающего фонд изнутри, было не обойтись.

К счастью, именно таким человеком оказалась заведующая читальным залом архива Надежда Павловна Жуковская. Она принесла

мне тоненькую опись описей, с помощью которой я за полчаса выбрал из нескольких сотен алфавитных описей дюжину наиболее перспективных. Вскоре они были на моем столе. Каждая из них охватывала дела определенных столоначалий за несколько лет, они содержали в алфавитном порядке перечень лиц, упоминавшихся в заглавиях дел. Я искал по каждой из них все известные мне имена. Как нарочно, лишь в последней удалось найти строчку: «Трегубов, казак из раскольников»; сведения о нем в алфавитной описи оказались почему-то гораздо более скудными, чем обычно, — я не знал ни имени, ни даты, ни места. Но выбирать не приходилось, надо было тянуть за эту ниточку. Алфавитная опись не позволяла еще выяснить полный настоящий шифр дела (без чего его нельзя было найти), но она указывала столоначалие, номер связки и дела. Их надо было разыскивать по нескольким основным описям фонда, указанным на переплете алфавитной описи. Я пересмотрел все эти описи — и неожиданно ничего не нашел. Не было вообще ни одного дела нужной мне 91-й связки — описи либо кончались на 90-й связке, либо начинались с 92-й.

Я сообщил Надежде Павловне о неудаче, и она решила попробовать другой путь: посмотреть еще по одной описи описей, какие основные описи могут относиться за 1854 г. к известному уже нам столу — второму. Удалось выявить только одну еще не просмотренную нами основную опись — 102-ю. В четыре руки мы начали листать ее, перебрали 1091 лист, вот уже и заключительная архивная запись: «В настоящей описи 1 091 лист, из них...» — и ничего.

Но что это? Уже после этой записи в конце огромного тома приплетено еще несколько листов. И на первом же из них читаю:

«Связка 91.

Дело 136.

«О раскольниках, казаках Оренбургского казачьего № 10-го полка Усть-Уйской станицы Трегубовых, Крылове и Яковлеве и канонире № 18 казачьей батареи Кокушкине, которые за неповиновение и упорное отречение исправлять общественные обязанности и службу по казачьему положению наказаны шпицрутенами и сосланы в каторжную работу и о распубликовании по Оренбургскому казачьему войску, что поименованные казаки суждены и наказаны не за раскол, но за явное неповиновение начальству и за дерзкое отречение от службы царской».

Правда, тут же Надежда Павловна несколько утерла мою шумную радость, заметив, что против дел этой связки в описи нет пометок синим карандашом, которые обозначали наличие дела при какой-то давней проверке фонда: дело могло не сохраниться.

Но даже в этом случае приведенные выше строки свидетельствовали о многом: событие, описанное в «Повести», не вымышлен-

ное, действующие лица, обстоятельства дела и приговор, указанные в ней, соответствуют реальности. Особенно важно было то, что подтверждалась главная причина происшедшего: «дерзкое отречение от службы царской» оренбургских казаков.

Ценной оказалась и точная географическая привязка событий, совпадавшая с «Повестью»: речь шла об одном из главных районов Крестьянской войны 1773–1775 гг., где пугачевские традиции были свежи в народной памяти; недаром именно в оренбургских местах Пушкин небезуспешно искал следы этих традиций.

Надежда Павловна через день позвонила мне в ЦГАДА на Большую Пироговскую и сообщила, что по найденному нами шифру дело отсутствовало и давно уже значилось среди утраченных. Правда, сказала она, дело все же разыскивается работниками архива в других местах, но надежды мало. Однако уже через час она позвонила опять и сообщила, что дело все-таки нашлось. Еще через час я был в Лефортовском дворце и держал в руках тоненькую папку с 16 листами документов. На синей обложке четким писарским почерком было выписано: «По отношению директора Канцелярии Военного министерства о преступном направлении духа между раскольниками Усть-Уйской станицы. Началось 21 июля 1854 г. Кончилось 2 декабря 1854 г.» Внизу более начальственным почерком значилось определение дела: «Мелочное». Всего лишь четыре жизни нижних чинов — какая мелочь!

★ ★ ★

«Повесть» оказалась права: «мелочным» делом занимался сам государь. Даже дважды. Подробностей было куда меньше, чем хотелось бы — на столь высоком уровне большинство из них представлялись тогда несущественными. Но то, что, по мнению докладывавших царю, составляло стержень дела, важно и для нас. И конечно, следовало использовать уникальную возможность сопоставить позицию царя с тем, как ее представляли наказанные.

24 июня 1854 г. генерал-адъютант Перовский, командир Оренбургского казачьего корпуса и генерал-губернатор Оренбургский и Самарский написал отношение в Военное министерство, вокруг которого и сформировалось дело Аудиториата.

Перовский сообщал, что в Великий пост 1854 г. станичное правление Усть-Уйской станицы, «имевшее наблюдение» за обязательным исповедыванием и причащением казаков, столкнулось с решительным отказом от этих церковных треб казаков Петра и Владимира Трегубовых, Романа Киселева, Ивана Крылова, Алексея Яковлева и Никифора Новгородова. Тот факт, что за семь лет до отмены крепостного

права военные власти так живо интересовались церковными делами, не должен вызывать удивления. Еще действовали (и долго еще будут действовать) законы петровского времени, согласно которым именно таинство церковной исповеди является наилучшим полицейским средством для выявления раскольников, которые квалифицировались как «лютые неприятели, и государству, и государю непрестанно зло мыслящие». Отказ от обязательной церковной исповеди рассматривался поэтому как полновесная улика, делающая отказавшегося «подозрительным к расколу».

Поэтому если бы даже названные выше оренбургские казаки ничего больше не совершили, они неминуемо должны были попасть в поле зрения властей. Если бы при этом определили, что протест их носит исключительно антицерковный характер и лишен политических мотивов, их все равно предали бы суду — суровому церковному суду, который определил бы наказание; для исполнения последнего их опять передали бы в военные руки. Эти основные нормы петровского законодательства, хотя и несколько смягченные в «просвещенное» время Екатерины II, были основой жестоких преследований старообрядцев при Николае I.

Но усть-уйские казаки кроме отказа от исповеди успели сделать немало иных вещей, полностью подтвердивших обоснованность подозрительного отношения царя к расколу. Старший брат Трегубовых — Максим, уже находившийся под судом за принадлежность к старообрядчеству, вскоре отказался от несения казачьей службы, объяснив это в станичном правлении тем, что «служить намерен одному только царю Небесному, а Земному не будет и знать его не хочет». Четверо из упомянутых выше шестерых казаков тут же присоединились к этому заявлению, детализировав причины отказа от службы земному царю, который «не внял истины от предания святых апостолов и принял трехперстное сложение креста и бранобритье»; Роман Киселев и Никифор Новгородов заявили, что «нести службу его императорского величества не отрекаются».

Перовский страстно доказывал, что неповиновение казаков — дело очень опасное, что вся станица, где много раскольников, с волнением ожидает его исхода и может целиком перейти в раскол, что случай этот требует «скорох и строгих мер». Несмотря на выражение арестованными казаками старообрядческих взглядов, генерал-губернатор счел их протест не столько духовным делом, сколько дерзким нарушением воинской дисциплины, да к тому же в военное время — шла Крымская война. Поэтому он требовал судить их не духовным судом, а военным, без «формального исследования», которое могло бы задержать поучительное возмездие; приговор таже следует привести в исполнение без малейшего промедления.

Именно по поводу этих судебнo-процессуальных вопросов Перовский и запрашивал Военное министерство. Последнее же представило эту проблему решению самого царя. 22 июля 1854 г. «за военного министра генерал-адъютант Катенин» сообщил Перовскому, что на предложение последнего о «скором и строгом» военном суде его императорское величество «изволил отозваться: „Справедливо, зло надо остановить в начале“».

Реально эти августейшие слова, начертанные карандашом на тексте предложений Перовского (и как положено, бережно покрытые затем воском, дабы императорская мудрость сохранилась в веках), означали мучительную смерть для большинства ослушников, но царь не входил в детали, не определял конкретного наказания. В этом и не было особой необходимости, видимо, Николай I и так был уверен, что оренбургский генерал-губернатор, выступивший с такими разумными предложениями, сделает все как надо.

Второй раз государь вернулся к оренбургскому делу 1 сентября 1854 г., дабы извлечь из него более общие выводы и рекомендации. Они полностью совпадают со взглядом Перовского и углубляют этот взгляд. На «всеподданнейшем докладе» о «дерзостях и неповиновении начальству» оренбургских казаков (текста доклада в деле нет) Николай I наложил следующую примечательную резолюцию:

«При всяком нарушении подчиненности, не входя в рассмотрение, Православный ли, раскольник ли, или Магометанин, судить и наказывать по всей строгости законов *собственно за неповиновение*».

От этого общего принципа государь изволил обратиться к детали, но существенной — к бороде, столь почитаемой у старообрядцев. Именно петровский принцип брадобрития, отстаиваемый Николаем I, оренбургские казаки упоминали в качестве важного доказательства того, что правящий император «не внял истины». Хотя спор со старообрядцами о бороде насчитывал к тому времени уже две сотни лет, погружаясь подчас в самые глубины богословия в связи с догмой о сотворении человека по образу и подобию Божию, государь сумел найти новый, решающий аргумент из наиболее серьезной для него сферы — обмундирования:

«Бороды носить дозволить только старикам, и то в виде снисхождения и таковых не производить даже в урядники, но всем моложе 50-ти лет бороды брить, по той причине, что оно по форме обмундирования не следует».

Все истины, высказанные в два приема Николаем I по делу оренбургских казаков, были сообщены министерством не только Перовскому, но и ряду высших военных чинов империи. Значительную часть архивного дела занимала документация по проведению этого

мероприятия (включавшая и рассмотрение жалоб обойденных, жаждавших официально узнать императорские слова). Кроме этих бумаг, в деле имелся еще один документ: доношение Перовского военному министру, отправленное 4 ноября 1854 г. и сообщавшее о приговоре шестерым ослушникам (Романа Киселева и Никифора Новгородова здесь, естественно, нет: их дело передано в церковный суд. Зато впервые упоминается присоединившийся к пятерым главным обвиняемым канонир Евдоким Кокушкин):

«Раскольники казаки Оренбургского казачьего № 10 полка Усть-Уйской станицы Максим, Петр и Владимир Трегубовы, Иван Крылов и Алексей Яковлев и канонир № 18 казачьей батареи Евдоким Кокушкин по двум военно-судным делам и по собственному сознанию изобличены в дерзком неповиновении Высочайшей воле и приказам начальства, в упорном отрекательстве исправлять общественные обязанности и службу по казачьему положению.

За таковыя преступления, признавая поименованных подсудимых казаков недостойными оставаться в казачьем сословии, я на основании высочайшего повеления... от 22 июля сего года за № 3678-м конфирмацией определил: лишив их всех прав состояния, наказать шпицрутенами чрез тысячу человек по три раза и сослать в Сибирь в каторжную работу на 12 лет».

Перовский приказывал далее, в полном соответствии с царской резолюцией от 1 сентября 1854 г. объявить по Оренбургскому казачьему войску, что обвиняемые наказаны отнюдь не за их религиозные убеждения, а за неповиновение начальству. (Авторы «Повести» этой императорской концепции категорически не приняли.)

Сквозь строки сухого официального документа проглядывает явное удовлетворение: генерал-губернатор доволен тем, что его идея устрашающей строгости была признана справедливой самим царем и нашла соответствующее воплощение — в суде, приговоре, экзекуции.

О том, что не все наказуемые вынесли «гонимые сквозь строй», в деле — ни слова.

Таков взгляд на происшедшее сверху, с самого верха военно-экзекуционной машины николаевской империи.

* * *

«Бысть в лета наша, в некоем граде бе некий человек благонравен и кроток и страннолюбив, имеяше же и подружие подобну себе, также благонравну, кротку и милостиву, и оба боящася Бога, в церковь часто хождаста...»

Неторопливо и торжественно начинает свой рассказ о тех же событиях пространнейшая «Повесть дивная», показывая уже первыми

этими словами, в каких жанровых и идеологических канонах будет строиться все дальнейшее изложение. Эти каноны имеют за собою многовековую литературную традицию — традицию житийную, агиографическую. Именно так полагалось начинать рассказ о жизни святых, мучеников за веру — со слов о благонравии и благочестии родителей будущего святого.

Правда, уже с первых строк выяснилось, что не так просто сочетать обобщающие этикетные требования житийного жанра с биографическими реалиями: родители Владимира Трегубова не придерживались «истинной» старой веры, и в «Повести» (как, впрочем, и в некоторых ранневизантийских житиях) сразу же за словами о набожности родителей святого приходится помещать уточнение о том, что настоящей веры им не дано было познать, что их вера была ложной. «Занеже бяху нравом проста и разумом не хитра, того ради ничесому же иному не внимающе, но со усердием вся богоотступническая предания исполняюще», — объясняет это автор повести.

Увы, лучше бы он оставил всю эту ситуацию без подобного объяснения — ведь были раннехристианские святые от языческих родителей. А так сразу же можно видеть, что не очень уж твердо знает он все тонкости той традиции, которой стремится следовать, — ведь еще Аввакум и его сподвижники не раз в борьбе со своими высокоучеными противниками любили подчеркивать и всячески обыгрывать слова Христа и апостола Павла о том, что именно простым, бесхитростным, нищим духом Господь открывает истину и Царствие Небесное.

Сразу же после этого объяснения «Повесть» в прежнем торжественном стиле сообщает, что родители передали свое благонравие своим троим сыновьям, и дает многословную, наполненную житийными оборотами характеристику каждого из них.

Эти страницы важны для исследователя не только своими реалиями, но и тем, что подтверждают приведенные в двух предисловиях к «Повести» сведения об обстоятельствах ее создания. Там говорилось, что «в нынешнее последнее время», «отчаянное и безнадежное», память о подвиге шестерых мучеников «нача тмою покрыватися и лютым неверием во глубине забвения потоплятися». Поскольку к этому времени лишь один из них (Владимир) остался жив и верен своим убеждениям, «скитаяся в горах и пропастьх земных» (его «подруг» Алексей «внезапу... с пути правого совратися»), было решено записать, пока не поздно, историю их мученичества: «Изволися общему собору таковый совет составить, еже бы память великих светилников писанием возобновити». Речь идет об «общем соборе» какого-то сибирского скитского центра во главе с Владимиром. Отсюда следует, что она записана уже спустя значительное время после экзекуции 1854 г.

со слов Владимира. Авторская правка тем же почерком на страницах рукописи говорит в пользу предположения о том, что привезенная из экспедиции книга является именно той, которая создавалась по решению «общего собора», а не неоконченной копией с протографической рукописи.

Этому представлению о создании памятника соответствует и датировка бумаги по штемпелю 1880-ми гг., и начальный рассказ «Повести» о трех братьях Трегубовых: он несомненно сделан со слов Владимира (это неоднократно подтвердится и в дальнейшем), носит следы былых внутрисемейных отношений — например, неприязни Владимира к жене Максима и, наоборот, его расположения к жене Петра; в то же время рассказ делается явно по памяти спустя многие годы, даже в обозначении возраста братьев Владимира допускаются ошибки. По «Повести» в «годину познания истины» (т. е. в 1853 г., если верить не очень точным в этой части хронологическим выкладкам «Повести») Максиму, Петру и Владимиру было соответственно 40, 30 и 25 лет, а по документам оренбургского военного начальства им в 1854 г. было 45, 37 и 26 лет.

Все три брата были женаты, у Максима было семеро детей, у Петра трое, у Владимира двое.

В этой первой характеристике братьев, несмотря на стремление автора «Повести» подражать торжественному и обобщающему житийному стилю, немало реальных бытовых подробностей. Сообщается, например, что Максим не только сам был неграмотен, но «и еже слыша чтущих — не разумеваше», что второй брат был «взором первого яснейший, и речию краснейший, и телом быстрейший».

Но характеристика главного героя, Владимира, — сплошной торжественный панегирик, где автор стремится продемонстрировать все красоты стиля, которым научили его образцы древнерусской и старообрядческой книжности:

«А третий же брат их бе леты оных младейший, а разумом и смыслом острейший. Юности бе плоти своя аки дивный виноград цветяше, а в разуме же яко красная девица в царском чертозе сядяше. Мужеством плоти своя по закону царскому вся воинския хитрости проходилаше, а духом же аки высокопарный орел на высоту небесную возлеташе. И сердечныма очима вся доле плещущая¹ ясно обзираше и вся многохитростныя прелести суетнаго мира сего со удобством разумеваше. И таковыя ради остроты разума его и душевнаго устроения всеми чтим и любим бяше, понеже бо он во всякое время и на вся-

¹ Плещити — ползти (древнерусское).

кое дело благопотребен бываше, в пирех благоприятен, в беседах благоуветлив, в советах благостроен — сицеваго ради его благолепия всеми чтим и любим и от всех восхваляем. Воини почитаху его, яко великаго воеводу, а градстии людие и вельможи яко славнаго властелина того почитаху, простии же человеци аки грознаго судию его имеяху, а разумнии же яко премудраго философа того познаваху. И вси от мала даже до велика со удивлением к нему притекаху и сладкия беседы и медоточных словес в сладость послушаху».

Далее подобным же образом восхваляются его христианские добродетели и аскетические подвиги, причем особо подчеркивается его богоизбранность («от юности сотворися чист сосуд Духу Святому», «от чрева матерня осенен бысть благодатию Духа Святаго»), его ранняя грамотность и усердие в чтении, «чтяше бо паче жития святых отец и поучения, такоже и мученическая страдания».

С первых же страниц «Повести» торжественно декларируется, что «сие же все строяшеся не просто, ниже туне, но по благоволению божественнаго промысла», который именно Владимира готовил для особой миссии на земле в последнее время царствующего антихриста: обличать антихриста и своим мученичеством увенчать отказ от службы ему, проповедуя истинную, а не казенную веру.

Несомненно, что именно в подобном идеологическом контексте вспоминает лет через 30 почитаемый алтайский старец события 1854 г., таков смысл происшедшего тогда и для его слушателей, нашедших спасение от антихриста в бегстве в горы.

Но материалы ЦГВИА не дают нам ни малейшего основания предполагать, что 26-летний оренбургский казак действительно играл ведущую роль в этих событиях; несколько реальных деталей, сохранившихся в «Повести», позволяют думать, что протест этот был коллективным делом всех его участников, причем слово более старших традиционно имело больший вес.

«Повесть» следующим образом рисует «познание истины» братьями Трегубовыми — их переход на позиции старообрядческих эсхатологических теорий об отпадении послениконовской России в царство сил зла. Во время дежурства в станичном правлении Владимир Трегубов заметил на столе принесенную кем-то старообрядческую азбуку и из возникшего разговора впервые услышал от других казаков о существовании какой-то «старой» веры и заинтересовался ею. Для удовлетворения своего любопытства он (вместе с братьями) смог воспользоваться двумя вполне традиционными источниками: рассказами соседей-старообрядцев и чтением их книг.

Сквозь диктуемые законами жанра торжественные обороты неторопливого рассказа о чуде божественного просветления души избранников провидения легко просматривается любопытная жизненная ситуация, известная нам по многочисленным судебным следственным делам о распространении раскола на востоке страны. Этот рассказ отражает вполне реальный факт весьма активного народного интереса к мировоззренческим проблемам, к самым глубинам идеологии. И хотя форма этого интереса традиционная — догматическая, при оценке ее определяющим является то обстоятельство, что эта догматическая система противостоит официальной, казенной — как в религиозном, так и в политическом плане. Поэтому не случайной оговоркой, а вполне закономерным является то, что «Повесть дивная» при всей своей подчеркнута-житийной окраске, подытоживая этот период духовного развития своих героев, выводит нас на главный политический нерв этого развития: тезис «государь-антихрист».

Еще в начале пути познания новой истины братьями Трегубовыми их отец, обеспокоенный начавшимся отходом сыновей от официальной веры, привел им важнейший аргумент в защиту этой веры: то, что ее исповедывает «сам царь». Поэтому и дальнейшее прозрение братьев относительно антихристовой сущности «неистинной казенной» веры неизбежно должно было сопровождаться таким же выводом относительно поддерживавшей эту веру царской власти. «Повесть дивная» и в последующем изложении неоднократно будет возвращаться к обоснованию этого опаснейшего тезиса.

На праздник Введения (21 ноября) 1852 г. Владимир подрядился привезти товары неких купцов в соседний город на ярмарку. Вместе с купцами он остановился в этом городе в старообрядческом доме, у друзей его нанимателей. Старообрядцы сначала опасались Владимира как человека, находящегося на царской военной службе, но казак смог убедить их в искренности своих поисков истины. Там Владимир присутствовал при чтении какого-то «божественного писания с толкованием». Чтение сопровождалось комментариями хозяина дома, сводившимися к тому, что в мире, бесспорно, воцарился антихрист и сама Церковь является его слугой, но полностью порвать с этим миром все же трудно, поэтому допустимо принимать от государственной Церкви таинства крещения и венчания, в прочем не сообщаться с нею. Подобную линию поведения он посоветовал и Владимиру.

Перед нами опять-таки очень реалистическая картина: по документам и старообрядческим сочинениям нам известны более умеренные направления уральского раскола, как правило, связанные с торгово-промышленной верхушкой и на практике допускавшие

принятие некоторых таинств от господствующей Церкви. Им противостояли гораздо более радикальные направления, отражавшие антифеодалные настроения многих крестьян, мастеровых, беглых.

Весьма характерно, что и герои «Повести дивной» остались недовольными советами умеренных старообрядцев, их непоследовательностью и стали искать других учителей. Выйти на них помогла случайная встреча Максима Трегубова с каким-то начитанным сельским старообрядцем, который, в свою очередь, направил Трегубовых к другому, также деревенскому жителю. Согласно «Повести» именно беседа Владимира Трегубова с этим довольно-таки законспирированным расколоучителем наиболее радикального направления окончательно разрешила сомнения усть-уйских казаков.

Главным авторитетом в подтверждение своих крайних взглядов на современную ему Россию этот расколоучитель выставил известное эсхатологическое сочинение, служившее идеологическим знаменем антифеодалного протеста еще в годы Тарского бунта 1722 г., — Книгу Кирилла Иерусалимского (Кириллову книгу). Рассказ о том, как он познакомил Владимира с этой драгоценностью, живо напомним каждому участнику археографических экспедиций подобные же моменты, когда владельцы древних книг решаются, наконец, показать их гостю:

«Человек он, абие шед во внутреннюю клеть, и взял книгу Кирилла Иерусалимского, и тако веде раба Божия (Владимира. — Н. П.) в малую храмину, сущую на дворе его, и вдаст ему книгу ту, глаголя сице: „Прийми, друже, книжицу сию, и разгнуй ю, чты прилежно, и от нея увеси², что подобает сотворить“».

Конкретные указания Кирилла Иерусалимского о том, что надлежит делать в условиях российской беззаконной действительности середины XIX в. сводились, по мнению хозяина книги, к альтернативе: либо открыто восстать против власти антихриста и принять от него мучение, либо бежать из-под его власти, укрываясь в тайных убежищах «в горах и вертепах». В подтверждение этой мысли расколоучитель сослался также на другую, очень характерную для крестьянской письменности книгу — сочинения Ефрема Сирина.

Эти страницы «Повести дивной» заставляют современного исследователя задуматься. Можно ли уточнить, представителей каких именно старообрядческих согласий встретили Трегубовы? К сожалению, источник не ставил своей целью удовлетворение этого нашего любопытства. Его автор владел окончательной истиной, истиной в последней инстанции — божественным откровением, и его не инте-

² Узнай (древнерусское).

ресовала ни современная классификация старообрядческих идеологических систем, ни их синодальное обозначение, ни даже обычные в крестьянской среде названия старообрядческих толков.

Принятие от «никонианской» Церкви таинств крещения и, особенно, брака, о чем говорил Владимиру Трегубову его первый собеседник, на практике встречалось в урало-сибирском старообрядчестве довольно часто в самых разных его течениях, хотя вероучительные системы старообрядчества осуждали такую практику. Она давно бытовала и среди беспоповского поморского согласия, и среди беглопоповцев-софонтиевцев, распространенных на Урале. Среди противников таких уступок равным образом можно назвать и авторитетных поморян, и крестьянских руководителей софонтиевщины (см. примеч. к с. 15). Но чаще всего рассказанная Владимиру со ссылкой на книги Кирилла Иерусалимского и Ефрема Сирина теория о двух путях спасения от антихриста развивалась в то время самым радикальным толком, отделившимся от более умеренного старообрядчества — согласием бегунов-странников.

Почти в те же годы, когда в затеряншемся в Сибири скиту со слов Владимира Трегубова записывается история его жизни и мучения, в Иркутске пишет свои исследования о бегунах известный историк-демократ Афанасий Прокофьевич Шапов, высланный в Сибирь за публичное сочувствие восставшим против сил антихриста крестьянам села Бездна. Шаповские характеристики эсхатологического учения бегунов очень близки к рассказу «Повести дивной». Да и последующие страницы «Повести» не раз продемонстрируют ее особые симпатии к загадочной крестьянской организации бегунов. Основанная еще в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием, она провозгласила побег от антихристовых властей главным догматическим принципом и смогла создать обширную литературу, бичующую эти власти, организовать разветвленную сеть тайных убежищ на тысячеверстных дорогах крестьянского побега — из районов крепостного права на восток, на юг.

Одной из этих дорог придется позднее пройти и Владимиру. Но это будет позднее. А пока он сообщает своему собеседнику, рассказавшему о двух путях избавления от власти антихриста, что он избирает не путь бегства, а путь открытого обличения — т. е. мученичества. И поразительно, до чего же точно в этой вроде бы чисто богословской беседе о спасении души прозвучала основная политическая формула этого обличения. Ее произнес Владимир, познакомившись с писаниями Кирилла Иерусалимского, Ефрема Сирина и тут же сделав оттуда все необходимые выписки. Он прямо спросил своего учителя, не вдаваясь ни в какие другие детали проблемы:

«Токмо сие ми рцы, аще аз сию храбрость восприму и государя Антихристом назову, то не погрешу ли пред Богом, понеже аз вменяю его аки бога, и почитаю, и велию честь ему воздаю, а ныне же тако его буду обличати, то не буду ли осужден в день Страшного суда Божия?»

Человек же той отвещав рече ему: Ей, воистинну не погресишь».

Вот так и был обойден евангельский текст о динарии Кесаря и христианский постулат «Несъ власти, аще не от Бога».

Подобно другим образцам старообрядческой литературы, начиная с великого ее истока — «Жития протопопа Аввакума Петрова», в «Повести дивной» соседствуют и перемешиваются события самого возвышенного плана — поиски высшей истины, мучительные проблемы совести, прозрения, чудеса, и бытовые житейские сцены, детали сельского быта. Так, вслед за приведенным выше разговором следует рассказ о том, как братьям Трегубовым удалось удачно обмануть своего отца: поскольку отец не одобрял их поисков веры, свою поездку к старообрядцам Владимир совершил под видом рыбной ловли. На обратном пути его поджидал брат Петр, принесший ему «купленную рыбу и омерзшие рыболовные вещи». Отец остался очень доволен заботливостью сыновей, а автор «Повести дивной» успех этого обмана счел делом провидения.

Вернувшись домой, Владимир рассказал братьям об обретенной истине, о двух путях спасения в антихристовом мире — и начались долгие обсуждения новой информации. В них принимал участие и сосед Трегубовых Алексей (Яковлев), который еще раньше братьев и независимо от них стал активно интересоваться старообрядчеством.

Вспоминая спустя много лет в Сибири эти дни, Владимир Трегубов не скрывает, что его мысль о предпочтительности открытого обличения антихриста не сразу возобладали; обсуждался и путь бегства в «пустынь», где можно было бы в крайнем случае по примеру старообрядцев прошлого запоститься насмерть.

И тут пришло новое решение, не очень-то хорошо аргументированное в «Повести дивной»: прежде чем «начать делати» (действовать), посетить киевские святыни. Не для принятия решения или укрепления в нем — этот естественный для жития аргумент в «Повести» забыт, не говорится даже о князе Владимире Святом, крестителе Руси, соименном главному герою «Повести».

Позднее окажется, что это путешествие позволит оренбургским казакам увидеть издали государя и получить новые, решающие доказательства его антихристовой сущности. Таким образом, в общей

сюжетной линии «Повести» об обретении оренбургскими казаками истины посещение Киева займет свое место. Но аргументация о причинах принятия такого решения остается слабой.

В рассказе Владимира наряду с житийными моментами, с уверенностью в собственном богоизбранстве немало и бесхитростного простодушия. И постепенно из дальнейшего торжественного рассказа проступает иной, вполне определенный смысл принятого решения. Во-первых, оказалось, что богомольцев ожидала вскоре регулярная военная служба в казачьем войске и они знали об этом. В самом конце рассказа о путешествии, повествуя о благополучном возвращении домой, Владимир проговаривается, что дома их и не ждали уже, ибо знали об их решении уйти от службы «за границу в Турецкую землю» (скорее всего, к казакам-некрасовцам, потомкам старообрядцев, ушедших в 1711 г. с Игнатом Некрасовым за рубеж, от власти царя-антихриста). Киев мыслился оренбургским казакам лишь первым этапом пути, но там они узнали, что за рубеж их не пропустят как «безвидных сущих», т. е. не имеющих соответствующего вида, документа. Странно, но Владимир даже не вспоминает в этой связи о близкой Крымской войне.

Даже с официальным разрешением на путешествие для богомолья в Киев дело обстояло очень непросто. В станичном правлении атаман отказался дать соответствующую «хартию» ввиду их скорой службы и явно опасаясь побега (позднее оказалось, что о разных планах побега казаки откровенно говорили со своей многочисленной родней).

Характерно, что подробнейший, изобилующий деталями рассказ Владимира и в нарочито агиографической, тенденциозно житийной редакции «Повести дивной», говорящей, в первую очередь, о крестном пути праведника, показывает нам тесное переплетение двух планов народного сознания — вполне житейских забот об организации обычного побега от службы и обретения высшей божественной истины о необходимости и путях борьбы с антихристом. В этом переплетении — определяющая сторона народной идеологии.

Необходимую для подготовки паломничества и побега «хартию» казаки все же получили, хоть и не без обмана. Ее дал им окружной генерал в Троицке. Правда, ввиду близкой службы он также запретил им идти к киевским святыням, но посоветовал заменить их гораздо более близкими — верхотурскими. Казаки рассудили, что такой документ все же лучше, чем никакой, и взяли «хартию» сроком на два месяца для путешествия на Верхотурье, вместе с подаренными генералом двумя серебряными рублями — один на свечу Симеону Верхотурскому и второй — на дорогу.

По этой верхотурской грамоте в Киев решили идти два брата Трегубовых, Петр и Владимир (Максим должен был остаться с семьей). К ним присоединились двое соседей — Алексей Яковлев и Роман Горячев (Киселев). Этот последний вскоре решил поворотить вспять — «мыслиши бо о жене и о чадах», угадали другие причину его возвращения.

Тому, как мужественно поборол в себе подобное искушение Владимир, «Повесть» уделила значительное внимание. Его жена, которая была «млада и зело прекрасна, такоже и благоразумна, благородных родителей дщи», держа на руках полуторагодовалого сына, в трогательной речи призывала мужа не оставлять ее:

«Почто нас с сыном оставляеши сирых, супруже мой любезнейший? Ни ли аз вдовствовати имам в юности моей? На кого прочее аз возрю вместо тебе, прекраснейший супруже мой, и кто призрит чадо мое, в юности сущее, и кто печется нами смиренными?»

Владимир посоветовал ей надеяться на Бога и отправился в путь.

11 августа 1852 г. Алексей, Петр и Владимир достигли Киева и остановились в гостинице Киево-Печерской лавры. Восемь недель их пребывания в Киеве и в лавре описаны очень тщательно, с массой бытовых подробностей, всевозможных деталей. Здесь и все правила организации монахами экскурсий в пещеры, и рассказ о ссорах в гостинице лавры между женами странников-богомольцев, об их остром языке (при этом замечается вскользь, что если Петра эти вольные разговоры приводили в отчаяние, то Алексей сам с удовольствием принимал в них участие: читателя готовят к мысли о закономерности будущего «грехопадения» «блаженного» Алексея). Лавра использовала богомольцев для монастырских работ, и «Повесть дивная» подробно описывает их. Любопытнейшая деталь: Владимир, в частности, был занят на тяжелом труде в пекарне — по изготовлению просфор для церковной литургии. «Повесть» в мельчайших деталях описывает всю технологию, включая накладывание на просфору особой печати; восхваляя добросовестность и трудолюбие Владимира, бесхитростный автор «Повести» не замечает того, что должно быть ясно любому образованному старообрядческому начетчику: уже «познавший истину» Владимир добровольно помогает здесь «антихристову» деянию — как раз вокруг «никонианских» просфор и печати на них разгорались жаркие споры старообрядцев с официальной Церковью, такая просфора (с четырехконечным, а не с восьмиконечным крестом) считалась у старообрядцев бесспорным орудием погубления души.

Подобным образом «Повесть» не смущается и тем, что казаки, уже понявшие на родине, что новая открывшаяся им истина категорически требует избегать любого участия в богослужении официальной

Церкви, не посещать ее, в Киеве особенно усердно ходят на все церковные службы в лавре. Их благочестие замечено игуменом, и «Повесть» гордится этим, хотя и игумен, и служба — «никонианские». Противоречие это не снимается замечанием «Повести» о том, что казакам хотелось узнать, как именно идет здесь служба.

Для исследователя эта необычность «Повести дивной» в общем круге старообрядческой книжности очень показательна: народная литература этого рода, во многом резко враждебная официальной церковной идеологии, далеко не всегда последовательно придерживается всех канонов новых догматических систем. Каноны принимаются избирательно, и избирательность эта разная в разных случаях. Например, основатели Выговской литературной школы, идеологические столпы поморщины братья Андрей и Семен Денисовы немало восприняли от киевских литературных традиций и вкусов, обучались у своих врагов-«никониан», но невозможно предположить, чтобы из-под их пера мог выйти рассказ о благочестивом изготовителе просфор для нужд Киево-Печерской лавры.

Главным событием киевского путешествия казаков «Повесть» называет посещение в это время лавры государем Николаем Павловичем. «Повесть» вкладывает в уста казаков особую благодарственную молитву за то, что провидению было угодно показать им воочию того, с кем они «хочут сразиться». И действительно, кажется, что жизнь невольно раскладывает события по драматургическим канонам.

Впрочем, сам этот дар провидения описан приземленно и реалистически: суматоха, поднявшаяся в монастыре при известии об августейшем визите, генеральное «чищение» монастыря по этому поводу и «многообразное украшение», «великий шум и звук», теснота и отчаянная давка. Провидение, сведя в одном монастыре царя и казаков, не побеспокоилось, однако, о месте для последних в монастырской церкви, где были главные торжества. Владимир, «вотрошася во иноков» монастыря во время встречи царя у монастырских ворот, видел эту встречу. Правда, церемонию несколько нарушила некая женщина, подавшая прошение царю.

«Царь же идяше по пути и на обе страны преклоняя главу, а народ же и вси мниси канцерт царю пояху, глаголюще: Боже, царя храни и прочия стихи».

На этом лицезрение Владимиром царя закончилось, ибо «у дверей церковных стояху воины вооруженнии, глаголемии жандары, и бичем отгоняюще весь народ».

Вспоминая в Сибири зрелище в подробностях, Владимир не забывает и главный идеологический вывод из всего виденного, делающий киевское путешествие казаков закономерным этапом их дви-

жения по избранному пути: наблюдая вблизи все униженное подбострастие церковных иерархов перед земным владыкою, казаки убедились в справедливости слов Кирилла Иерусалимского о том, что антихрист восхитит себе две власти — не только царскую, но и святительскую. Вполне ясное и очень правильное наблюдение лежало в основе этого эсхатологического тезиса: подглядев обычный, трафаретный эпизод из царского быта, оренбургские казаки точно определили, кто реально управляет синодальной Церковью.

«Обаче и сего довольно есть к познанию истины, и от сего совершенно позна блаженный (Владимир.— Н. П.), яко той есть воистину сосуд треклятого Сатаны, и яко вправду попра духовную власть под нозе свои и весь мир в свою погибельную сеть улови».

На обратном пути из Киева Александр и Владимир неожиданно заехали в давно связанный с Уральским казачьим войском известный старообрядческий центр — Стародубье, хотя им было туда совсем не по пути. «Повесть» никак не объясняет причину этого визита, и мы можем лишь догадываться о ней: возможно, он имеет прямое отношение к планам побега оренбургских казаков. Стародубье было связано со многими старообрядческими центрами в России и за ее пределами. «Повесть» же обмолвилась ранее, что казаки собирались искать подходящее место для поселения. В Стародубье они остановились в поморском монастыре, «мниси же тии начаша приглашати их на жительство в монастырь свой». Но казаки решили возвращаться домой. Быть может, именно здесь они получили информацию о том, что к зарубежным старообрядцам не пробраться — а само Стародубье было, несомненно, в пределах досягаемости слуг царя-антихриста.

С рекомендательным письмом из Стародубья братья заехали по дороге к некоему купцу в Калугу, и здесь состоялось их знакомство еще с одним классическим произведением старообрядческого эсхатологического протеста — Соловецкой челобитной: купец «принес книгу Челобитну Соловецкия киновии, и начаше чести и рассуждати о пременении закона и всех вещей» в последние антихристовые времена. Это очень показательно: и в середине XIX в. успешно выполнял свою пропагандистскую роль, поднимая на борьбу с антихристом все новые поколения, яркий документ, созданный в 1667 г. участниками соловецкого восстания, осмелившимися отменить молитву за царя и благословить вооруженное ему сопротивление.

«Повесть дивная», несомненно, следует в своем подробном рассказе реальным событиям, кое-что подчас выпячивая, кое о чем умалчивая, но при этом истолковывая по-своему действительно бывшие происшествия. Вслед за рассказом о знакомстве Трегубовых с Соло-

вецкой челобитной «Повесть» сообщает, что братья окончательно решили идти не по пути бегства, а по пути открытого вызова царю-антихристу.

* * *

Но в действительной жизни все было сложнее. Житие отображает эту жизнь по своим законам. К счастью для историка «Повесть дивная» не вполне житие, точнее — не очень-то умело сделанное житие, и информативность его выше обычной: реальные, очень подробные воспоминания Владимира о своей пестрой биографии не подчинены до конца стандартным, этикетным правилам и оценкам агнографического жанра. Усредняющая сила этих правил такова, что зачастую, как это отчетливо показал еще В. О. Ключевский, одними и теми же формулами, в одной и той же последовательности описываются биографии самых разных людей, отделенных друг от друга веками и тысячеверстными расстояниями; в исторической литературе даже шли жаркие споры о том, допустимо ли вообще искать за этими формулами реальные обстоятельства жизни реального человека.

В «Повести» же идеологическая обработка исторического факта не очень-то заслоняет от историка этот факт о многом исследователе может легко догадаться.

Так, оказалось, что на самом деле путь оренбургских казаков от обычной жизни к мученичеству был не столь уж прямолинейным, как это следует по простой схеме «Повести» (познание истины — мученичество). После киевского путешествия наступает вторая отсрочка действия, никак не подготовленная и не объясненная идеологическим строем «Повести», только что провозгласившей, что после этого путешествия для Трегубовых все уже было очевидно и решено.

Мимоходом, одной строкой, но «Повесть» все-таки сообщает, что отсрочка эта была куда длительнее первой. Можно высчитать, что она продолжалась от Рождества (25 декабря) 1852 г. почти до самой Пасхи (11 апреля) 1854 г. За это время Владимир успел полгода провести на военной службе — в составе казачьего отряда в 200 человек, отправленного на Каспий:

«Бе же от начальства послан бысть некий щегирь³, на неудобных степи к Каспийскому морю для розыскания всяких пород, назначен был отряд двести казаков, и пошли с весны, и ходили до осени, потом вспять возвратишася».

³ Щегирь — штейгер, горнозаводской чин (уральское диалектное).

И подобно тому, как в Киеве Владимир счел возможным участвовать в церковной службе антихристу, в родной Усть-Уйской станице он все еще не отказывается от военной службы ему.

Нет, Трегубовы в конце концов добровольно выберут именно тот мученический путь, о котором пишет «Повесть», просто в жизни этот выбор будет куда более мучительным и нелегким делом, чем это пытаются представить «Повесть», явно считающая подобные колебания недостойными «жития святого»⁴.

Не акцентируя непоследовательность поведения Владимира в это время, «Повесть дивная» упоминает все же о сомнениях, обуревавших его. В результате в этом интересном повествовании как бы параллельно идут два плана и рядом с обязательными, по мнению автора «Повести», формулами о стойкой верности избранников провидения нововоспринятой идее, их страстном желании пострадать во имя ее мы читаем следующие строки, восходящие к откровенному рассказу самого Владимира:

«Смотряше бо блаженный на дом и имение, и соглядаше вся утвари и скоты, такоже о жене и о чадах помышляше... и абие малодушествовав начат глаголати братием своим сице: Что ради, братие, мы тако скоро спешим на дело сие, не добре извыкше божественная писания, ниже уразумехом премудростнаго его толкования, и несть мы довольни еще в разуме, еже изыти на единоборство противу лютаго зверя. Подобае бо еще мало пожити нам и известнее испытати божественная писания и совершенно уверитися — и тогда начати дело сие. Аще ли же мало изучившися начнем, егда како устрашимся и отпадем».

Талантливый писатель использовал бы этот эпизод для того, чтобы сделать более жизненным высокий облик своего героя. Автор «Повести» явно не ставит перед собою подобных литературных задач, он инстинктивно следует здесь жизненной правде, сохраненной в устном рассказе Владимира. Но результат тот же самый.

В наш прагматический век удивление читателя вызовут не эти понятные колебания, а сам выбор пути. Вроде бы нет непосредствен-

ных причин для столь самопожертвенного протеста. А очень хочется разглядеть их за эсхатологическими аргументами «Повести» о невозможности иного пути для спасения души в российском царстве антихриста. Хозяйство большой семьи Трегубовых не из бедных, и пригнувший русскую деревню чугунный пресс крепостного права здесь не так уж чувствуется — казачье сословие, хотя и очень близко к крестьянам, имеет свои права, и немалые. Военная служба, от которой пытались было убежать Петр и Владимир, куда легче рекрутчины.

Вопрос этот имеет более общий характер. Конечно, мученический протест Трегубовых — не общее правило поведения. Но и не столь уж уникальное, единичное явление в русской истории. Острая коллизия перехода от Древней к Новой России, обусловленного к тому же резким усилением крепостнических тенденций, сопровождалась во второй половине XVII — начале XVIII в. целой волной самоуничтожений, колоссальных гарей, в каждой из которых гибли тысячи человек. Зачастую это были акты отчаяния людей, буквально загнанных в угол жизнью, сорванных с родных мест наступлением крепостного права, новых никоновских и петровских порядков; многим из них грозила мучительная казнь, и бросались они в огонь на виду военных команд, пытавшихся изловить их. В XVIII в. гари постепенно становятся менее масштабными и, как правило, являются непосредственным ответом на грубое насилие в сфере религиозной совести, творимое казенной церковью и полицейским государством. В первой половине XIX в. добровольных самоуничтожений протеста еще меньше и далеко не всегда они являются прямым ответом на конкретный акт насилия, направленный против протестующего. Все больше и больше такие акты, как и добровольное мученичество Трегубовых, являются более обобщенным протестом против социальной несправедливости, против того самого лицемерного общественного строя николаевской России, всю душепагубность и неестественность которого так остро ощущал Толстой. Трегубовы то же ощущение выражали в византийских формулах эсхатологического учения о «последних временах» воцарившегося антихриста, в народных представлениях о «неистинности» государя. То же старообрядческое учение и те же легенды помогли в свое время и Пугачеву, перешедшему к открытой вооруженной борьбе с силами социального зла. А позднее предводитель смелого антикрепостнического бунта в с. Бездне в 1861 г. крестьянин Антон Петров выработал свою религиозно-этическую систему, оправдывавшую это выступление.

Протест Трегубовых был, конечно, совсем иного плана, чем гари XVII и XVIII вв. или Безднинское восстание. Но в причинах и в идеологии этих актов протеста есть существенные общие черты.

⁴ Это последнее слово, правда, не употребляется автором «Повести» применительно к Владимиру и его друзьям — ведь они не были канонизированы: ни одна церковная организация не причислила их к лику святых. К тому же «Повесть дивная» писалась при жизни Владимира, а прижизненная канонизация для традиционного сознания — вещь невозможная. Поэтому «Повесть» последовательно заменяет слово «святой» на слово «благочестивый», перенося на второй термин все значение первого. Старообрядческая литературная традиция выработала немало разных приемов для выхода из подобного затруднения, но «Повесть» не обнаруживает близкого знакомства с ними.

Христианская этика категорически запрещает самоубийство — оно рассматривается как тягчайший грех против самого Святого Духа и душе самоубийцы нет спасения, нет прощения. Старообрядцы, оправдывавшие самоуничтожение, основывались на том, что подчас это единственный возможный ответ насильникам, которые иначе подчинят тебя своей душепагубной воле. Но догматическая допустимость самоуничтожения, не обусловленного непосредственным насилием со стороны слуг антихриста, вызывала в старообрядческой среде постоянные споры, хотя было немало сторонников теории, согласно которой сама победа в мире сил зла, общее победоносное торжество антихриста вполне оправдывают протест в форме самоуничтожения, бросающего вызов антихристу.

Этот эсхатологический тезис можно выразить и на другом языке. Феодальные производственные отношения в их тягчайшей крепостнической форме были губительным анахронизмом для русской деревни и в XVII в., когда эта форма окончательно отлилась в юридические нормы Соборного Уложения 1649 г. Через два века, бывших временем дальнейшего расширения и ужесточения крепостничества, гнет этих безнадежно устаревших отношений стал совершенно непереносимым, разрушительным и для экономики, и для человеческого сознания крестьянина. Между тем заметно укрепившаяся военно-государственная машина царизма, победоносная во внешних войнах и в подавлении внутренних бунтов, защищала эти отношения и делала крайне сомнительной саму возможность успешной борьбы с ними. (Напомним, что для слома этих отношений одних крестьянских бунтов оказалось недостаточно, нужен был и внешний толчок Крымской войны.) Противоречие искусственно загонялось властями вглубь и отравляло всю общественную атмосферу, особенно в деревне. Торжество несправедливости, антихриста было очевидно, надежды на победу над ним в открытом бою были шатки, терпеть не было сил и не позволяла совесть.

Оставались те пути, о которых Владимир Трегубов прочитал в книге Кирилла Иерусалимского. Характерно, что и братья Трегубовы, и их единомышленники колебались в выборе именно этих путей и их вариантов. Вскоре после киевской неудачной разведки возможностей побега к Трегубовым присоединился их сосед Иван Крылов, которого, как оказалось, давно уже мучили те же мысли. Его друг сумел совершить успешный уход из царства антихриста в некую неизвестную «пустынь» «и бысть без вести даже и до днесь» — идеальная линия поведения бегунов-странников. Иван же «убояся не поиде с ним», но избрал было не менее традиционную смерть от голода — «восхоте паче не прияти пищи, и аки воск гладом и жаждою истаяти». 12 дней он провел без еды и воды, в «яме подьовинной», но был случайно обна-

ружен там и возвращен домой. Затем он присоединился к Трегубовым. Последние еще раньше считали для себя возможным и подобный смертельный пост — «да бежим в пустыню и аки воск гладом и жаждою истаем» (последняя формула была распространена в самоуничтожениях XVIII в., в том числе зауральских).

Однако в конце концов усть-уйские казаки пришли к выводу, что предпочтительнее всего открытый вызов царю-антихристу, означающий мученическую смерть, но не от собственных рук. В условиях глубочайшего и, казалось, безысходного кризиса огромной военно-крепостнической системы многие села и волости бунтовали, крестьяне толпами бежали на окраины в поисках вольных земель, надеялись на милости очередного царевича-избавителя, ждали «золотой грамоты» о воле, пытались использовать традиционные механизмы общины для защиты от крепостников. Некоторые выбирали самоубийство или, подобно Трегубовым, близкое к нему открытое обличение царя-антихриста.

Очень часто историк не может доподлинно определить, какими именно жизненными обстоятельствами и чертами характера диктовался в каждом случае этот выбор.

Легко с высоты научных теорий нашего века осуждать решение Трегубовых как ошибочное. Не будем делать этого, лучше отдадим дань уважения величию души людей, далеко не самых несчастных в николаевской России, но так остро ощутивших несправедливость ее порядков и имевших мужество пойти на добровольную мученическую смерть за свои убеждения, за свой внутренний мир. Именно в казачьей среде, близкой к крестьянской, но все же несколько привилегированной, имелся минимум свободы, необходимой для протеста. И не такой уж это пустяк в военно-отеческом царстве Николая I — отстаивание самодовлеющей ценности своих взглядов, объявляющих господствующую царскую власть антихристовой. Военный суд знал, что делал, вынося свой приговор.

* * *

Но пока еще до военного суда было далеко. Первые шаги протеста Трегубовых, сначала довольно робкие, вызвали одно желание у низшей администрации — как-то замять дело, неприятное и хлопотное. Тем более, что пока были видны лишь религиозные его аспекты: в Великий пост 1854 г. братья Трегубовы, Иван Крылов и Алексей Яковлев перестали ходить в «никонианскую» церковь своей станицы и не пошли к исповеди и причастию. «Повесть дивная» сообщает, что это сразу же было замечено в станице, которая с тех пор напряженно наблюдала за происходящим. (Позднее Перовский напишет в столице о том же.)

Друзья и родственники отговаривали упрямец. Отец братьев Трегубовых первым сообщил об их поведении станичному атаману и просил его принять меры, не без основания опасаясь, что дальше хуже будет. Но атаман высмеял старика и посоветовал ему оставить детей в покое:

«Послушай, друже, аще бы ты рекл ми еси, яко чада твоя разбой творят или ино некое злое дело содевают, то аз имел бы право предати их суду. Аще ли же Богу молятся, сие есть доброе дело».

Такова первая, вполне благоприятная для братьев Трегубовых реакция властей. На протяжении последующих почти ста листов «Повесть дивная» будет детально рассказывать обо всех этапах ужесточения этой реакции. Впрочем, сама «Повесть» будет давать от имени будущих мучеников прямо противоположные оценки позиции властей: сначала они будут сетовать, что никак не могут достаточно раздразнить антихриста, а затем радоваться, что удастся их замысел поучительной публичной демонстрации стойкого сопротивления злу, готовности принять любые страдания, но не поступиться убеждениями. «Повесть» излагает все это в пространнейших благочестивых рассуждениях и молитвах, которые, по мнению автора, приличествуют житийному жанру. Историк вынужден довольствоваться этим пышным занавесом, за которым с трудом проглядываются реальные сцены внутренней подготовки казаков к подвигу.

К концу Великого поста волна слухов, распространившаяся по станице о поведении Трегубовых, Яковлева и Крылова, заставила таки станичного атамана вызвать их в правление для беседы и увещевания. Вместе с атаманом был и какой-то судья. «Повесть» считает, что состоявшийся в станичном правлении религиозный диспут на предмет выявления подлинного характера официальной Церкви был выигран казаками, внятно растолковавшими своим оппонентам, почему эта Церковь является душепагубной. Атаман в конце концов просил лишь не поднимать шума, а от посещения церкви просто откупиться минимальной взяткой:

«Велика ли это важность дать священнику по десяти копеек, и он вас не в чем притеснять не будет, и вы тогда живите бес печали, как знайте, так и делайте, поститесь и молитесь по своему обычаю».

Традиционная тактика старообрядцев, рекомендованная еще Авакумом и, как видим, хорошо знакомая местным властям. Но наших героев не устраивает то, что обычно устраивало старообрядцев (линия бегунской радикализации старообрядческой идеологии будет далее звучать в «Повести дивной» все явственнее). Им нужен был не компромисс, а вызов. Нужно было, чтобы их услышал антихрист.

«Тогда блаженнии в дом идуще, печалующеся и глаголюще к себе сице: Ни, братие, недобре мы стрелихом, не дойде бо стрела сердца

их, они бо шум летения стрелы токмо слышаша, язвы же не прияша. И что прочее сотворим, братие, како раздражим лютость его?»

Безошибочный ответ был найден тотчас:

«И реша паки: Сице да сотворим — егда кого от нас потребуют на кую либо службу, то мы нейдём, еда како сею вещью возможем раздражити его».

Это средство в конце концов оказалось верным. Царь услышал-таки о протесте усть-уйских казаков — демонстративный отказ от военной службы был делом серьезным.

Первой очередь дошла до Алексея Яковлева. 13 апреля к нему пришел из станичного правления ефрейтор с приказом: «Впрязи коня и вези начальника во он град» (начальник и город в «Повести» не названы). Алексей, малодушно забыв об уговоре, «не могий дерзостне отвещати» и отговорился болезнью. Тогда на ту же службу был вызван Максим Трегубов; он отвечал ефрейтору, что не может исполнять службу, так как находится под судом станичного атамана. Хотя в рапорте Перовского о деле также сообщается о том, что Максим находился в это время под судом за принадлежность к старообрядчеству, в «Повести» этот эпизод никак не разъясняется, он не ложится в ее схему. Под арестом Максим тогда не был, вызванный к станичному атаману, он сначала повторил ему свой аргумент, но в ответ на прямой вопрос атамана: «Разве ты государю служить не хочещи?», прямо заявил, что слугой царю он не будет, «понеже он еретик есть». (Перовский сообщил об этом отказе в более смягченной формулировке: «служить намерен одному только царю Небесному, а Земному не будет и знать его не хочет». Однако из сопоставления дальнейшего изложения рапорта Перовского с «Повестью дивной» можно сделать вывод, что здесь повествовательный источник ближе к истине, чем документальный. Как увидим ниже, казаки употребляли обе формулировки.)

Атаман хотел было исчерпать эпизод окриком и отеческой зуботычиной, но присутствовавший при этом его коллега из другой станицы запугал его:

«Не добре ты, атаман, сия твориши, за таковое дерзновение не сяди и ты с ним во едино место».

Так старший брат Трегубов оказался в тюрьме. Так «Повесть дивная» вступает в новый этап, тюремно-эзекуционный. Отныне она будет рассказывать о самых различных местах заключения николаевской России, о судьях и эзекуторах, об этапах и каторге, о наказаниях и побегах. Кто только в русской литературе XIX–XX вв. не будет рассказывать об этом, чаще всего используя собственные впечатления! Декабристы и Достоевский, Солженицын и Шаламов... «Повесть

дивная» расскажет об этих важнейших приметах российской действительности по-своему — все в той же житийной форме, все с тем же эсхатологическим содержанием.

Вслед за Максимом Трегубовым настала очередь Ивана Крылова. В четверг светлой недели (15 апреля) 1854 г. его вызвали на службу, «а служба же бе ему назначена в поход в армию». Он отказался. В станичное правление он явился не в форме, а в затрапезной одежде, разъяснив атаману, что воинской одежды он носить больше не будет, так как хочет быть воином Небесному Царю. На вопрос атамана: «Поэтому ты, Крылов, государю императору служить не хочешь?», Иван ответил: «Воистинну тако есть, не хочу бо государю вашему служить... понеже тако разумею по Божественному писанию, яко власть нынешняго времени несть от Бога, но от лукаваго и таковой власти не подобает покаряться». Атаман среагировал вполне трафаретно: потребовал назвать зачинщика, подбившего его на столь «законопреступный» бунт. Иван с готовностью ответил на этот вопрос, сказав, что таковым является «Бог Всемогущий и Всесильный и всея твари видимыя и невидимыя Содетель». Деталь очень характерная: во всех антифеодальных выступлениях под религиозной оболочкой, начиная с раннего Средневековья, бунтующие против несправедливости социальных и юридических законов твердо убеждены, что выступают во имя изначальной «божественной правды» и, следовательно, побуждаемы самим Богом.

«Повесть дивная», не входя в дальнейшие детали, сообщает, что в долгом споре Иван взял верх над атаманом и в итоге добился желанного атаманского приказа: «Ведите и сего тамо, идеже государственнй преступник Максим сидит». Атаман решил также тотчас проверить всех семерых усть-уйских казаков, отказавшихся ходить в церковь, не отказываются ли они заодно и служить государю. Роман Киселев и Никифор Новгородов, примкнувшие было к Трегубовым в их антицерковном протесте и сначала собиравшиеся идти с ними дальше, испугались и заявили в станичном правлении, что они согласны служить царю, — и их тотчас отпустили. «Повесть дивная» сообщает, что они заодно и «никонианскую» Церковь признали, но по материалам ЦГВИА это не так — перед нами характерное для «Повести» преувеличение. Алексей Яковлев, поколебавшись, решил присоединиться к Максиму и Ивану; тенденциозность рассказа Владимира сказывается в том, что «Повесть» подробно пересказывает иронические высказывания атамана по поводу того, что Алексей не мог сразу определиться, снимает героиню его поступка.

А вот подобному же решению Петра и Владимира Трегубовых, наоборот, уделяется много места и торжественной риторики.

И следует сказать, что самые высокие слова кажутся вполне уместными, стоит только вдуматься, *какое* решение принимают братья — на сей раз уже окончательно. Понятно, что «Повесть дивная» сопровождает здесь свой рассказ чудесами, молитвами, ссылками на Священное писание. Но одновременно — и масса бытовых деталей, язык библейских книг перемешан с уральскими диалектизмами, языком обыденным, что вообще очень характерно для автора «Повести». Вот братья, в ожидании вызова к атаману, торжественно восклицают: «что сотворим, брате, камо пойдем и где сердце наше утешим?» Ответ неожиданно прозаический: «И абие реша к себе: Идем убо на карду (скотный двор вне усадьбы, на поле. — Н. П.) ко скоту нашему и тамо почием мало». Там их и застал спящими посланный из станичного правления «ефретер»; их переживания во время недолгого пути в правление, последнего на свободе, описаны на восьми страницах.

Атаман допрашивал сначала Петра, который отвечал ему «дерзновенно», затем Владимира, который вслед за Петром подтвердил: «Не хочу бо и аз государю императору слуга быти, понеже он еретик есть». Присутствовавший при этом «другий начальник, саном судия» пообещал Владимиру за такую дерзость расстрел в 24 часа, на что тот ответил многословной благодарностью за неожиданную отсрочку — он-де не надеялся и на 12 часов жизни.

«До суда им предстоит прожить еще более полугода — трудные месяцы, и мужество им понадобится не на один порыв, а для каждого дня этих месяцев. У них хватит его...»

В тот же светлый четверг 15 апреля 1854 г. Петр и Владимир воссоединятся в темнице со старшим братом и двумя другими «государственными преступниками».

Весь этот раздел «Повести» богат точными психологическими деталями. Например, на пути в станичное правление ефрейтор разрешил братьям зайти домой попрощаться с родными и надеть белые рубахи; однако случайно дома в это время никого не оказалось, и «Повесть» сообщает в связи с этим о чувстве некоторого облегчения (очень мне понятного) — не было тяжелой сцены прощания, которая могла бы поколебать дух перед решающим разговором с атаманом.

Подобным образом «Повесть» со слов Владимира сообщает удивительно верную подробность встречи пятерых узников в богатый событиями день 15 апреля: услышав, как «твердая стража», уходя, закрыла дверь, они ощутили освобождение от страха, не отпускавшего так их все эти дни, поняли, что наконец-то они могут свободно говорить обо всем и принимать дальнейшие решения:

«Прежде бо под страхом бежом, и не смеяхом яве глаголати тайну сердца нашего, понеже страх объемляше нас отвсюду, бояхомся бо

да некако в зазор неким будет беседа наша; ныне же зрите, любимицы, каковую благодать уллучим, яко без страха и ясно можем о всем глаголати друг ко другу, како и что подобает сотворити нам».

На следующий день их по одному допрашивал оказавшийся в станице какой-то оренбургский адъютант (вероятно, Перовского). Разговор шел и о церковных догматах, и о царской службе. Адъютант пугал карами, но позиция казаков не изменилась: «Мы бо вспять никак не возвратимся и государю императору никогда не слуги будем, понеже он еретик есть». Адъютант приказал: «Всадите их в темницу и блюдите твердо». Арестованным забили ноги в 30-фунтовые колодки. В них они провели в станичном правлении три недели, выходя иногда в колодках на улицу, почти каждодневно встречаясь с родными, друзьями и выслушивая их уговоры не губить себя и семью. Беседы эти передаются в «Повести» подробно и красочно.

Между тем по донесению атамана и адъютанта о деле узнали в Оренбурге. Рассказ «Повести» о первой реакции Оренбурга на протест усть-уйских казаков (о чем Владимир мог узнать лишь понаслышке) абсолютно точен и достоверен; он полностью совпадает с авторитетным свидетельством самого Перовского в его первом донесении 24 июня в Петербург о происшествии. «Повесть» сообщает, что «генерал... начаша разсуждати со своими советники, каковым судом возмогут осудити их, не мняху бо, яко они от разума сия начинают, но лености ради токмо от службы отстраняются». И действительно, мы помним, что Перовский поставил перед Военным министерством вопрос, каким судом судить казаков, доказывая, что дело это не духовное, а дисциплинарно-политическое, и требуя в пример другим «скорого и строгого» военного суда. «Того ради и глаголюще сице: Подобает убо нам жестоким судом осудити их, да не научатся к тому и прочие сицевым образом начальство затруднять» — демонстрирует «Повесть» свою хорошую осведомленность в позиции высокого оренбургского начальства.

В соответствии с этим решением было приказано перевести арестованных для суда в Оренбург. Отправили под конвоем из 12 человек с ружьями и обнаженными шашками. Дело было на праздник Преполовления, и начальство рассчитало так, чтобы увести их из станицы незаметно, во время торжественного парада и богослужения — «да не сотворится мятеж в народе». (Любопытно, что Владимир дает для алтайских скитских богомольцев специальное пояснение слова «парад»: «А название парата вещь сицевая: временем бывает от начальства распоряжение, егда будет годовой праздник, тогда все воинство обряжаются во всю омуницу, еже есть во весь воинский убор и берут ружья в руки и обнажены имуще шашки, и приходят к стани-

це, и становятся во фрунт. Егда же начнут клепати к обедне, тогда приходит атаман и скамандует в поход, и тако пойдут вси в церковь по чину, два и два».)

Однако благоразумный замысел начальства не удался: вышла заминка из-за отсутствия в казачьей станице обязательной принадлежности помещичьей деревни — оков; пришлось долго приспособлять конские путы — и в результате арестованных повели по станице как раз во время многолюдного крестного хода после обедни. В станице к тому же разнесся слух, что арестованных ведут прямо на расстрел. Характерно, что хотя никакого суда еще не было, слуху поверили, суд все равно ведь тайный, скрытый от всех, в том числе и обвиняемых.

Поднялся отчаянный шум, крик, в начавшемся замешательстве все оставили крестный ход и побежали к арестованным, которых вели соседней улицей. «И тогда сотворился великий мятеж и молва в народе и воздвижеся многий клич и вопль и плач неутешимый, и тако мнети в той час, яко и самой земли колебаться от великаго плача и хлибания и многих слез». Бунтовских намерений толпа не имела, и власти в конце концов навели порядок, но тайная отправка арестованных не получилась. Конечно же, «Повесть» видит в этом «великое чудо», непосредственное вмешательство божества: «Бог же... иже вся ведый и о всех промышляй, не изволи всемирных светильников скрыти под спудом, но поставляет их на свещнице, да видими будут всеми».

В тех же торжественных выражениях, но очень искренне «Повесть дивная» рассказывает о скорби жен, детей и родителей осужденных (только у Трегубовых их было 17 человек).

Почти вся станица провожала арестованных до паромной переправы через реку Уй, жены шли за ними до Крутойрской крепости, мать сопровождала их до самого Троицка, где начальники отогнали ее от тюремных ворот. «Она же... бысть аки мертва, и горько восплакавшия, и зельно рыдаючи и тяжко въздыхаючи, едва помалу возможе возвратитися вспять... И кто может изрещи или исповедати неизреченную ту скорбь и печаль умиленных той старицы бывшую в то время, о сем бо несть никому же ведомо, како она отиде в дом свой».

На другой день в Троицке состоялось очередное увещание, его вместе с окружным генералом проводил прибывший из Оренбурга губернский начальник генерал Подуров. Генералы стали расспрашивать казаков «о исповедании православныя веры и о церковных догматах», а заодно и о зачинщиках — «от кого научишася и что ради не повинуются власти». Генералы держались снисходительно-милостиво, объяснили казакам, что все их умствования — от «малограмотности», а впрочем, признали даже, что нынешние законы «не очень пра-

вы» и «против прежних законов изменены», но это дело высшего начальства, за повиновение которому Бог не должен взыскать. Генералы изволили даже пошутить, согласившись, что нынешняя жизнь далека от святости: «Сие бо тако есть, друзья, прежнии святии даже и хлеба не яли, а мы же ныне еще и пуныш прием, да спастися хотим».

Автор «Повести дивной» хорошо показывает все лицемерие этой барской снисходительности (по-своему он затрагивает все ту же толстовскую тему лицемерия барской культуры николаевского общества): не добившись от казаков отказа от протеста, «генерал Подуров повеле всадити их в темницу; сам же еха во град Оренбург управлять дело, каковым судом возможен осудити их и каковыя бы казни лютейшыя на нь, да како бы возмогл устрашити не токмо сих, но и прочих, дабы никто же отнюдь восхотел и впредь тако ниже помыслити».

Жизнь узников в Троицкой тюрьме продолжалась шесть недель, во время которых они впервые столкнулись с несколькими важными проблемами. Посадили их вместе с уголовниками, но удалось как-то наладить с ними отношения: «тии злодеи... смилишася сердцем и возлюбиша их зело и во всяком деле творяху им снисхождение и помощь». Но так будет далеко не во всех российских местах заключения, через которые Владимиру предстоит пройти. Да и конфликт этот для России — вечный.

Другой проблемой была пища. В родной станице питались передачами — едой, приготовленной дома. В Троицке впервые встал вопрос о казенной пище, оскверненной антихристом по старообрядческим представлениям, запрещающим смешение в еде и в посуде с иноверными. Правда, была, кажется, возможность получать пищу от троицких старообрядцев, но казаки отвергли ее — и в этой связи в «Повести» звучит впервые острая критика старообрядчества: «Аще ли мы от старообрядцев восходем токмо приимати пищу, то паки чим их святее и лучше сотворим сих, они бо токмо единою чашею от них разньствуют, а дела же и горше сих творят, внешнее бо точию сткляницы блюдо очищают, а внутрь же суть полни грабления и лукавства и всякой нечистоты».

Читая эти строки о затруднительной ситуации, в которой оказались казаки, историк сам оказывается в крайнем затруднении. Совсем недавно «Повесть» рассказывала, что само «прозрение» Трегубовых началось со старообрядческих книг и разговоров со старообрядцами, все предыдущие беседы и споры героев «Повести» были наполнены обычными старообрядческими аргументами против «никониан» — и вдруг такое острое осуждение старообрядчества. Между тем в донесении Перовского от 24 июня 1854 г. сообщается: арестованные в допросе в полковом правлении сказали, что «принадлежат к беспо-

повщинской секте, не признавая церковной иерархии, брака и прочих священных таинств». Впрочем, под это определение можно подвести как радикальную старообрядческую беспоповщину, так и бегунов-странников (кстати говоря, *всех* таинств не отрицали ни те, ни другие: они признавали крещение и покаяние, но для военного суда это мелочи, не учитываемые и соответствующими полицейскими инструкциями). К тому же, как мы видим, таинство брака Трегубовы и их друзья отнюдь не отрицали. А уже после экзекуции Владимир не раз будет обращаться к помощи старообрядцев, подчас и пищу их принимать.

Можно обозначить такой приблизительный выход из этого клубка противоречий. Мировоззрение Трегубовых и их друзей эволюционирует. Какие-то связи со старообрядцами существовали у них и до «прозрения» (Перовский сообщает, что почти вся их родня — старообрядческая). Главной для них в этом «прозрении» была уверенность в том, что их окружает царство социальной и моральной несправедливости, царство победившего антихриста, как они говорили, — и что нельзя этому царю-антихристу помогать, служить хоть в самой малости. Подобное учение было возможно и в рамках радикальной беспоповщины, и в рамках все более выделяющейся из нее самой радикальной организации — бегунов; догматические споры, отделявшие тех от других, Трегубовых не очень интересовали. В Троицке они осуждали то умеренное старообрядчество, которое, заботясь об отдельной от никониан посуде, внутренне не отмежеввалось от «грабления и лукавства» мира антихриста. Правда, позднее Владимир непоследовательно будет еще принимать помощь от богатых купцов-старообрядцев, хотя постепенно круг его старообрядческих знакомств будет все более радикализироваться, а на Алтае он будет во главе вполне бегунского скита. Возможно к тому же, что созданная в Сибири «Повесть дивная» склонна окрашивать события 1854 г. настроениями алтайского периода.

Власти были напуганы возможной популярностью идей Трегубовых среди старообрядцев и прочих казаков Усть-Уйской станицы. Мы видели, что об этой опасности Перовский в июне предупреждал Петербург. К этому времени он, правда, успел принять некоторые меры. Пока арестованные находились в Троицке, в станицу был отправлен с устрашающей миссией генерал Подуров. «Егда же приеха в станишное правление, и абие повеле приготивити прутиев воз велик и связати их в пучки и вывести их на площадь». Эта наглядная демонстрация возможности массовой порки была подготовкой к сплошному генеральскому допросу всей многочисленной родни арестованных, соседей — не поддерживает ли кто-либо их взглядов. Генералу удалось

запугать всех, кроме жены Алексея Яковлева, на которую «страх великий» не подействовал. Жена Владимира отреклась вместе со всеми от взглядов мужа «страха ради и... студа ради многонародного». И тем не менее «Повесть дивная» пишет о ее поведении с гораздо большей симпатией, чем о «дерзости» жены Алексея! Было ли ей что-либо за эту дерзость — «Повесть» умалчивает.

Вскоре после этого арестованных переводят для суда и наказания из Троицка в Оренбург. Именно переводят — пешком, с поразительной неторопливостью, какой-то редкостной медлительностью. Вышли они из Троицка за несколько дней до составления 26 июня Петровским первого донесения в Петербург об этом деле, а прибыли в Оренбург 22 сентября. У Владимира сохранились самые светлые воспоминания об этом путешествии вдоль реки Урала, все остальные этапные переходы будут куда страшнее. А здесь шли медленно, с частыми остановками. Караульные быстро поняли, что арестованные и не помышляют о побеге; из 12 караульных солдат при арестованных оставалось человека два, остальные ловили неводом рыбу в Урале и даже «хождаху на кую-любо работу». Но кончилось и это удовольствие.

* * *

Два последовательных события, происшедших в Оренбурге, занимают центральное место в «Повести дивной». Это описание самой экзекуции, мужества казаков, претерпевающих мучение, и предшествующий наказанию главный спор усть-уйских мучеников с властями — основное объяснение их поступка.

Этому большому диспуту предшествовали, как мы видели, несколько меньших, но главное идейное противостояние — именно здесь. (Напомним, что военный суд проходил в отсутствие обвиняемых и в «Повести дивной» о нем — ни слова.)

Операция эта на казенном языке называлась «увещевание», и «Повесть» приводит этот термин, отводя описанию спора целых 22 страницы. Для «увещевания» пятерых казаков собралось «шесть генералов и седьмой протопоп». Во главе этой коллегии стоял некий «генерал атильянт (адъютант? — Н.П.), сей бо приеха ис Петербурга, бе бо и жителство имеюще близ царя, и саном высший над прочими генералы».

Первым в бой кинулся протопоп. Он задал вроде бы простой вопрос: «Како вы ныне разумеете о исповедании православныя веры, и о церковных догматах, тако же и о самой Церкви?» Но вспомним: это предложение к религиозному диспуту служит официальная Церковь делает арестантам, уже свыкшимся с кандалами, делает в присутствии шести генералов, накануне военно-полевого суда (обязательное церковное «увещевание» заблудших составляет часть карательного

процесса еще со времен петровского законодательства). Происходит этот разговор о Боге во время беседы, которая легко, свободно обернется настоящим допросом. В церковной и военно-полицейской практике был накоплен уже немалый опыт проведения таких «увещаний»-допросов, когда предлагают откровенно высказаться по вопросам веры, совести и одновременно собирают следственный и обвинительный материал против оппонентов и их друзей.

Религиозная часть этого допроса разворачивалась сначала трафаретно, первые ходы противников повторяли то, что уже десятки раз говорилось старообрядцами и их увещателями в подобной обстановке. Казаки на вопрос протопопа ответили, что вера их древняя православная, а «уставы и законоположения нововведенныя нынешняго времени» они отвергают. Протопоп резонно возразил, что ведь и Церковь, и казаки верят в одного и того же Христа. В ответ он получил традиционный рассказ о том, как Никон исказил учение Христа, «послуша совета лукаваго Сатаны», и соблазнил царя Алексея Михайловича.

Но вскоре протопоп повернул спор в другую сторону. Взяв в руку свою бороду, он спросил казаков, считают ли они бороду признаком создания человека по образу и подобию Божию. Это обычная старообрядческая точка зрения, осуждающая бритье за нарушение такого подобия. Так же, несомненно, думали и Трегубов с товарищами, о чем свидетельствует как дальнейший ход диспута, так и документы ЦГВИА. Но «Повесть» сообщает, что Иван Крылов, говоривший от имени всех, дал ответ, который вполне устроил и протопопа, и генералов, — что дело не в бороде, а во внутреннем подобии, в добрых делах и т. д. Буквально через несколько страниц в «Повести» словами того же Ивана Крылова будет утверждаться нечто прямо противоположное: еретичество царя он будет доказывать, в частности, тем, что тот «повреждает ус и бороду». Как мы уже говорили, в этом споре о бороде примет участие и сам царь.

Мы не знаем, почему «Повесть дивная» заставляет усть-уйских казаков высказывать здесь две противоположные точки зрения, не замечая к тому же противоречия между ними. Исходя из документальных источников 1854 г., логичнее ждать от казаков на этом диспуте именно второй позиции. Можно высказать осторожное предположение, что в «Повести» первые слова Ивана Крылова о несущественности старообрядческих споров о бороде отражают уже более поздние, алтайские взгляды Владимира: нам доводилось сталкиваться с подобными рассуждениями сибирских бегунов как в беседах с ними, так и в их сочинениях.

Увещательная беседа протопопа касалась и других религиозных вопросов, но «Повесть» не останавливается на них, переходя к основному. Как только протопоп закончил свою духовную разведку, в бой вступили главные силы, генералы, сразу поставив центральный вопрос: «Что же ради вы не хотите повиноваться власти?» Иван Крылов от имени всех ответил, что власть не от Бога, но еретическая, ибо вводит брадобритие; кроме того, по Библии и Кириллу Иерусалимскому антихрист должен восхитить высшую власть и в государстве, и в церкви, а сами генералы вынуждены были признать, что «ныне государь император две власти имеет», «царскую и святительскую».

Веками православная Церковь, действовавшая в союзе с феодальным государством, заботилась одновременно и о том, чтобы более сильный светский союзник не поглотил ее целиком. Эти столетия феодальной автономии Церкви в государстве оставили в наследство немало авторитетных текстов, почитаемых в обществе богодухновенными и отстаивавших идею неподвластности Церкви государству. Русское централизованное государство, действуя то грубыми руками Малюты Скуратова, то прагматическим богословием Феофана Прокоповича, то респектабельным просветительством Екатерины II, сломало сопротивление духовенства. В «Духовном регламенте» 1721 г. царь был провозглашен «Крайним Судиею» духовного ведомства (т. е., как все правильно поняли, реальным властным главою Синода и управляемой им Церковью).

Однако вскоре начала проявляться опасность этой победы. Еще огнепальный протопоп Аввакум предупреждал, что союз царской и святительской власти, подчинение Церкви принимают богохульные формы; после «Духовного регламента» открыто заговорили о том, что царь восхитил прерогативы самого Иисуса Христа, являющегося главою Церкви по православной догматике. Это не только укрепило многочисленные теории и легенды о царе-антихристе, способствуя постепенному росту антимонархических настроений, но, главное, все больше вредило авторитету самой Церкви, ее возможностям реально влиять на народные настроения, особенно — в опасные периоды социальных бурь.

Государственное покровительство не раз переходило в прямое вмешательство в церковные дела, на коих ощутимо сказывалось, например, и увлечение Петра I порядками в протестантских странах, и теократические вселенские идеи Павла I, и не вполне ортодоксальный мистицизм Александра I. Непреодоленный до конца петровский принцип огосударствления Церкви привел к тому, что в 1917 г. в минуту самой грозной опасности она не смогла оказать государству действенной помощи. Символично в этом отношении последнее в

монархической России заседание Синода, созванное товарищем (заместителем) обер-прокурора Синода князем Н. Д. Жеваховым (сам обер-прокурор Н. И. Раев уже бежал). Председательствующий тщетно умолял Синод поддержать монархию, выпустить специальное воззвание с угрозой духовной кары мятежникам. Авторитетнейший член Синода киевский митрополит Владимир (Богоявленский) в ответ говорил, что власть обращается к Церкви в минуты опасности и не замечает ее в остальное время. Припомнили многие вполне реальные обиды и разошлись, ничего не предприняв. А митрополит Владимир уже через 11 месяцев станет одной из самых первых жертв коммунистического террора против Церкви, он будет зверски замучен в Киеве 25 февраля 1918 г. А еще через 16 недель произойдет царевбийство в Екатеринбурге. Тенденция императорской России к превращению идеальной «симфонии» в отношениях между Церковью и светской властью в огосударствление Церкви оказалась малопродуктивной и губительной как для «Царства», так и для «Священства». Это важный урок истории, о котором грех забывать сегодня⁵.

Таковы были отдаленные последствия «восхищения государем власти царской и святительской», подчинения духовного ведомства

⁵ В 1992 г. мне довелось одному из первых знакомиться с материалами секретнейших дел Политбюро партии коммунистов, в коих шла речь о попытке реализации плана Троцкого — Ленина по скорейшему, за несколько месяцев 1922 г., уничтожению Русской Православной Церкви и ликвидации религиозности в огромной крестьянской стране. В письме, написанном красивым летящим почерком Льва Давидовича Троцкого членам Политбюро и руководству Лубянки, разъяснялось, что с падением монархии настало удобное время разгромить и монархическую Церковь. Для этого нужно использовать обновленческое духовенство, уничтожить с его помощью «монархически-черносотенную» часть Церкви, а затем быстро ликвидировать и обновленцев. План этот был поддержан Лениным, Сталиным и остальными членами Политбюро и активно проводился в жизнь чекистами и чекистами. Ими была умело использована и разрушительная кампания по изъятию церковных ценностей — якобы для помощи голодающим. Троцкий и Ленин надеялись получить от этого мероприятия несколько миллиардов золотых рублей, на деле же получили восемь с небольшим миллионов (после всех расстрелов и погромов!). Остальное до государственной казны не дошло — было разграблено или потрачено на само изъятие ценностей у духовенства. История Церкви пополнилась новыми тысячами мучеников за веру, а к началу Великой Отечественной войны на территории СССР оставалось лишь несколько десятков церковных приходов (в начале XX века их было более двадцати тысяч). Упомянутые выше дела Политбюро я издал вместе со своим учеником С. Г. Петровым (Политбюро и Церковь в 1922–1925 гг. В 2 т. Москва, Новосибирск. 1997–1998).

абсолютизма военно-политическому. Уральские казаки, конечно, и не помышляли о приведенном выше анализе прошлого или об исторической перспективе. Но они, как и многие другие, ощущали глубинную несправедливость всей этой стороны общественного устройства, соотносили ее с видимыми проявлениями социальной несправедливости, царящей в николаевской России, и выражали это по-своему: государь император, управляющий государством и Церковью, является антихристом. Это вызвало понятный гнев генералов, нашедший тут же громогласное выражение. Однако генеральский окрик делу не помог: казаки еще раз подтвердили: «Аще ли же государь имеет две власти, то по писанию Антихрист есть»; в качестве дополнительного аргумента они привели новую цитату из Кирилла Иерусалимского: «Аще кто возносится паче всех на земли, блюдитесь его, сей бо дух Антихристов есть». В качестве наглядного близкого примера такого «вознесения» они бесстрашно сослались на широко известную похвальбу самого Перовского перед фрунтом: «Возношения есть вид таковой, яко иногда господин Перовский глаголаше своему войску: Аз вам царь, аз вам и бог, несть кроме мене старшаго над вами никого же, мне токмо покарайтесь!»

Тогда генералы от крика перешли к проникновенным запугиваниям — для блага самих же «заблудших». Но пятеро казаков были готовы к мучениям, к смерти — и запугивания не помогли. Рассказ Владимира не может скрыть, что во время этого диспута (как, вероятно, и раньше) главную роль играл Иван Крылов, «понеже он ученнейший баше в дружине своей и дерзновеннейши в словесех против прочих». Но основной герой «Повести дивной» — Владимир, поэтому в рассказе об «увещевании» значительное место уделено заключительным попыткам генерала Подурова отколоть Владимира как самого младшего от остальных и стойкости Владимира, отвергнувшего самые лестные предложения Подурова («аз тебе буду во отца место»).

Наконец, из «Повести дивной» явствует, что во время всего собеседования генералы старательно пытались решить важную следовательскую задачу — вывести зачинщиков и подговорщиков. Обычная ссылка казаков, что главным подстрекателем их к бунту был Иисус Христос, не помогла — им тут же ответили, что кто-то должен был соответственно растолковать казакам учение Христа, и потребовали назвать всех, с кем они беседовали на эти темы. Иван Крылов ответил, что собеседников было так много, что упомянуть и назвать их невозможно, за исключением разве самих генералов и протопопа. Похоже, что действительно других имен названо не было.

«И тако много их испытавше, ничто же успеха» — подводит «Повесть дивная» общий итог «увещеванию». На прощание генералы пообещали суровое наказание упрямам. Вернувшись в тюремное

помещение, казаки, естественно, обсуждали, как будет выполнено генеральское обещание. В этих беседах участвовал подружившийся с арестантами оренбургский унтер-офицер Пискунов, старообрядец «поморского» согласия. Как человек опытный, он первым произнес роковые слова «зеленая улица», хотя и сомневался, что казаков приговорят к столь тяжкому наказанию.

Повесть кратко сообщает, что генералы еще дважды «увещевали» казаков, с тем же результатом. И лишь «тогда начаше совещати, какой суд изнести на них. И тако написаша грамоту, и послаша к государю, изъявляюще ему вся, яже о блаженных страстотерпцах и просяще от него решения суду. И абие прииде к ним от государя сицевый ответ: Таковых преступников, не повинующихся высочайшей власти, повелеваем провести сквозе строй, то есть три тысячи ударов, токмо бити не отделя локтя».

Как видим, «Повесть» правильно сообщает и о вынесенном приговоре, и о предварительных сношениях с государем. Но и отличия от действительности примечательны: автору «Повести» роль государя в определении приговора кажется куда более непосредственной, чем она была на самом деле. Царь не определял числа ударов и тем более не указывал, как бить. Между тем именно в связи с этим якобы имевшим место царским указанием «бити не отделя локтя» в яростном антимонархизме «Повести дивной» появляется некий новый оттенок, характерный для противоположных взглядов, для наивного крестьянского монархизма. Оказывается, Владимир Трегубов всю оставшуюся жизнь прожил в уверенности, что царь-антихрист наказал их довольно «милостиво», а злой царский слуга генерал Перовский уже сточил наказание, приказав в нарушение царской воли бить «от руки», — что и явилось причиной смерти большинства наказанных: «он же бе вельми зол и суров и немилостив и никако же не внимаше царскому повелению, но от зельные ярости не можаше удержаться».

Перед нами классический штамп народного сознания, годящийся на все времена.

* * *

Вплоть до дня экзекуции 3 ноября 1854 г. арестованные ничего не знали ни о тайном суде над ними, ни о приговоре — хотя и пытались что-то узнать через горожан.

И когда в ночь на 3 ноября впервые закрыли двери их камеры, а поутру за ними явился генерал, они ни о чем еще не догадывались, не ведали, что для некоторых наступают последние часы жизни.

Генерал с разрешения узников помолился на их иконы, вежливо поздоровался: «Вздравствуйте, старички!» Он еще раз спросил, не передумали ли они и получил отрицательный ответ.

Так начинается кульминация всего рассказа «Повести дивной», и мы даем слово нашему источнику, повествующему о событии в мельчайших деталях, подчас обиденных, подчас страшных.

«Тогда глаголя к ним генерал: „Аще ли тако суть, яко же глаголете, то одевайтесь, пойдемте со мною“. Они же агницы незлобивии с кротостию ему рекуще: „Ваше превосходительство, мы хотехом днесь измыгти ризы наша, омочихом бо их в лоханю, и что ныне сотворим с ними?“ Он же рече им: „Оставьте их, да измоют оставшии zde, они бо сохранны будут и никако же утеряются; вы же последуйте мне“. Блаженнии же мневше, яко недалече некамо хочет вести их, и тако надеша одежды летния. А бе же третье число ноября, и в то утро мраз бе. И тако пойдоша за генералом. Егда же выступиша ис полаты, бе же крыльце полаты тоя высоко зело, а пред полатою, амо же бяху двери полатнии, бысть площадь во все четыре страны, аки на седмь поприщ⁶. На той же площади повеле генерал Перовский поставити шестсот салдатов по плану прямой улицей, по триста на сторону, и приготовить прутиев множество, связати же их в пучки и поставити подле фрунта рядами ради страха, мняше бо лукавый, яко егда начнут подводить блаженных ко фрунту, они же, видевшие прутиев оных пучки, абие устрашатся и тако отвергнутся своего предложения. Но не бысть тако, яко же он умысли, понеже бо не его бе воли таковое хотение, но божественное строение, еже показати храбрость и мужество и терпение непобедимых своих воинов. И тако повеле генерал каждому салдату взяти розгу в руку, еже есть прут, а прута же величество: длина его яко шесть четвертей⁷, а толщиною аки совершенного мужа указательный перст, а блаженных страстотерпцев вести среди фрунта обнаженных и бити со обоих стран во всю руку.

И тако блаженнии выступиша из дверей полаты тоя, иде же пребывающе, идуще за генералом. Той же бе генерал, прозываемый Подуров, понеже бо Перовский поручил свое дело Подурову, еже наказовати блаженных, а сам же не можаше прийти и видети их, злобы ради лютоści своея. Понеже бо на толико не беяше лют, яко и не видя блаженных, но и тако преступил царское повеление — от государя бо бе ему приказано, не отделя локтя наказовати, он же повеле во всю руку бити, аки скота.

Подуров же, исполняя повеленная, иде ко блаженным и кротко зваше я, глаголя: „Одевайтесь, старички, пойдемте со мной“. Они же, аки агницы незлобивии, ничтоже размышляюще, абие одевшеся, грядяху вослед его.

⁶ Поприще — древнерусская мера длины, $\frac{2}{3}$ версты, но здесь, скорее всего, верста.

⁷ 1 четверть = 17,77 см.

Бе же за генералом предний грядый блаженный Иоанн. Егда же изыде из дверей и возрев на площадь, и виде на площади фрунт стоящий и множество много народа, собравшихся на всенародное то позорище⁸. Понеже бо генерал повеле по всему граду послати публику⁹, да снидутся вси на оную площадь и видят ужасное оно и великое чудо, новых страдальцев мужество и терпение. И тако снидеся ту народа многое множество, тысящи тысящами, яко и исчести невозможно, не токмо бо от того града, но и от прочих окрестных градов. Егда же виде сие блаженный Иоанн, абие озресе вспять и рече дружине своей: „Видите, братие, егда како нас ради сия трапеза уготована естъ; ныне убо, братие, крепитися подобает нам и помнити слово, реченное нам вначале познания нашего: еже что от него (антихриста. — Н.П.) будет, терпи до конца, спасен будешь“. Егда же сие изрече блаженный Иоанн и вси возведше очи свои и видеша фрунт стоящий, ужасошася сердцем, и тако пойдоша напредь.

Бе бо площадь она широка и чиста, и несть ничто же застенающего ю, и видяшеся фрунт, аки на блюде. Егда же снидоша с крыльца полатнаго на землю, ту абие стояше колесница, на ней же генерал приеха, и 12-ть салдатов во всем воинском уборе и с ружьями.

Здесь пятеро усть-уйских казаков впервые увидели своего единомышленника, выведенного для наказания вместе с ними. Это был Евдоким Кокушкин, «канонир № 18 казачьей батарее», как он аттестован Перовским в доношении военному министру от 4 ноября. «Повесть дивная» говорит о нем: «Бе бо он родом казак же, недалече от града Оренбурга, того же войска шестого полка», было ему 22 года и он просидел под арестом уже год. Он принадлежал к поморскому старобрядческому согласию, но «Повесть» подчеркивает, что это было «прежде», а затем он «начат познавати Антихриста, того ради не хотяше повиноватися власти, обличая его богоборную лесь» (известный центр поморцев — Выговская пустынь признавала тогда царскую власть и молилась за императора, но были, особенно на востоке страны, поморяне, не одобрявшие этого). Е. Кокушкина судил военный суд и вынес то же наказание, что и усть-уйским казакам. Последние в тюрьме заочно познакомились с Евдокимом, используя посредничество поморца унтера Пискунова. Евдоким «остави свое поморское разумение» и «прилепился сердцем и мыслию» к усть-уйским казакам, последние заочно же «приняли его во общение». Эта формула (повторенная несколько раз) означает, что они ощущали себя особым согласием, особой организацией, в ряды которой они приняли Евдокима. Несом-

⁸ Позорище — зрелище.

⁹ Публика (здесь) — объявление.

ненно, что именно так понимал позднее на Алтае Владимир смысл происшедшего более четверти века назад в Оренбургской тюрьме. Но повторяем, нам кажется сомнительным, чтобы отгораживание от остального старообрядчества Владимира и его друзей на деле было в 1854 г. столь значительным, как это ему позднее представлялось.

Однако пора вернуться к рассказу «Повести дивной» о событиях 3 ноября 1854 г.

«А егда же они приидоша на край фрунта, и ту абие ста генерал, и повеле народу мало отступить. Слышав же народ, абие отступи. Тогда ста посреде и громким гласом рече во услышание всем, глаголя сие: „Последний раз я вас казаками называю. Естли вы хотите обратитися на старое положение и государю императору повинетесь, то аз имею власть и могу вас в сей час отвести от фрунта. А ежели пребудите во своем намерении и не хотите повиноватися высочайшей власти, то, видите фрунт сей, про вас сие уготовано есть“.

Слышавше же сие от генерала, блаженнии страстотерпцы тогда аки едиными усты отвещавше, глаголюще: „Ни, никакже не буди сего, еже бы отрещися нам древняго благочестия и приступити к нечестию. Лучше желаем смерть вкусити, нежели от предания апостольского и святых отец отступить“. Таковый их великоревностный ответ слышав, генерал абие обратися к близ стоящему его слуге, имущему грамоту написанную в руках своих, и рече ему: „Читай кафермацыю“. Он же абие выступи посреде и начат чести громким гласом во услышание всему предстоящему народу, глаголя сие:

„Таковых-то казаков Оренбургскаго войска десятаго полка Усть-Юйской станицы за неповиновение высочайшей власти его императорскаго величества государя императора Николая Павловича издаем конечный суд, повелеваем их вести сквозе строй, то есть сквозе тысящнаго полка прогнать три раза, еже есть три тысячи ударов. А по истечении срока и числа сего наказания лишитъ их всех прав состояния и определить их на 15-ть лет“ — и еще мало речъ не дополни, абие генерал жестоко воскрича на нь: „Лжеши!“ Той же паки крикнув: „На 12-ть лет в каторжную работу“.

Егда же прочет сия, абие умолкну. Тогда слышавше блаженнии конечное на ся суда изречение, реша к генералу: „Ваше превосходительство, не возможно ли нам по обычаю христианскому положить начал на восток?“ Генерал же рече им: „Возможно есть, господа, положить вам начал, кладите по обычаю своему“. И абие рукою помаав к народу, глаголя: „Отступите, на обе стороны, и дадите к востоку улице положить начал“. Абие народ разступися и сотвориша к востоку улицу. Паки рече им генерал: „Ныне, друзи, кладите начал по обычаю вашему“. Они же положиша седмипоклонный начал и, простившися и

благословившися и давши друг другу последнее целование, абие восташа. Тогда рече к ним генерал: „Ныне, друзья, раздевайтесь, скидайте одежды своя и ризы“. Блаженнии же начаша совлачитися, бяху бо на них одежды летния, называемыя пододевочки, а на овех зипунчики. Егда же они скинуша одежды своя, тогда генерал повеле ундеро-офицером направляти их. И тако ундеры начаша направляти их вход по пути царскому».

Далее в «Повести дивной» идут строки, объясняющие вроде бы неожиданное сравнение «зеленой улицы» с «путем царским». Это отнюдь не намек на жестокость царя-антихриста, совсем наоборот. «Царский путь» — путь царя Славы, Иисуса Христа; «зеленая улица» казаков в торжественном, развернутом сравнении сопоставляется с путем Христа на Голгофу. Здесь корни того ощущения особой судьбы, богоизбранности, которое не покидает затем Владимира Трегубова всю жизнь. В строках этого сравнения появляется и звучит все сильнее важный художественный образ — очищающего огня. Сувлекши перед наказанием, подобно Христу, одежды, приготовившись к «огненному жжению» шпицрутенцов, казаки в себе «отвергли ветхаго человека» с его человеческими грехами; пройдя через огонь наказания, они спасли себя, победили антихриста, «победныя венцы восприяша от вседержительныя руки Спасовы». Погибшие от наказания получали вход в «вечныя обители святых». Но и на выживших остался божественный отсвет безгрешности; прошедшее через огонь мученичества естество их стало иным, получило «духовное рождение». Эта теория «Повести дивной» неканонична, она противоречит догматам православия, ибо имеет слишком близкое сходство с учением церкви о подобном же божественном перерождении человеческого естества праведников в огне Страшного суда. Владимир же, единственный из всех смертных (Алексей — не в счет для «Повести дивной»), сподобился того же до Страшного суда, еще на «старой» земле, не прошедшей через этот огонь, — вещь совершенно невозможная для православного вероучения. «Повесть» не развивает этот опасный сюжет сколько-нибудь четко и подробно, но и сказанного достаточно.

Вслед за этими возвышенными рассуждениями наш источник возвращается к описанию страшной экзекуции: «Егда же начаша ундеры направляти дело и взяша одежды блаженных и положиша их в телеги приготованныя, бяху бо ту приготовлены кони, впряженные в лубовыя телеги, яко да егда блаженнии страстотерпцы пройдут ту реку огненую, тогда вести их в тех телегах в больницу. Бе же всех ундеров-офицеров числом 12, а блаженных же страдальцев числом шесть, и тако определиша на каждого человека по два ундера-офицера. Тогда офицеры сотвориша ружья свои крестообразно, тако же и

руце блаженных положиша на ружьях крестообразно же и ризами привязавше. Вземше же ундеры-офицеры каждый свое ружье в руки и поведоша блаженных впредь лицом, сами же вспять зряще, ведяху блаженных по фрунту. Ведуще их по два ундера-офицера каждого человека, а салдаты же со обоих стран ударяюще их прутиями во всю руку.

Ведяху же блаженных страстотерпцев по той зеленой улице по чину друг за другом. Перваго поведоша Кокушкина Евдокима, понеже он мужественнейши беяше против дружины своей высочеством возраста и крепостию тела, того ради и преди всех веден бысть. Второго же по нем поведоша Максима, третияго Иоанна, четвертаго Алексея, пятаго Петра. Меньшаго же брата блаженных троицы трех оных братьев последи всех ведоша, яко же бо он по плоти в рождении против братий своих бысть последний, тако же и в духовном сем рождении, сиречь в прехождении тоя огненной реки, еже есть во страдании, прилучися ему быти последнему же».

Характерная деталь: Владимир не умолчал, что шел последним. Но «Повесть дивная» спешит дать естественное объяснение этому, чтобы никто не подумал, что был он последним по значению.

«Идущим же им по улице той, секутор¹⁰ же идяше со страны и глаголаше: „Крепче, крепче!“ Смотриаше же секутор опасно на воинов, како кто ударяет, бе же ему повеление сие от старейших опасно сие назирати: они бо немилостивии и жестосердии судии измену сие вменяюще быти, того ради и повелеша секутору опасно назирати, аще который воин от жалости легчае ударит, того он записоваше. Яко же последи ведевшии сия поведаша, яко и много обретеша таковых, иже от жалости не могуще жестоко бити блаженных страдальцев. Глаголюще бо, яко обретеша таковых числом до двадцати пяти человек. Их же последи неправеднии судии жестоко мучиша, да не научатся, глаголюще, и прочии противитися высочайших властей повелению».

Еще одно свидетельство точности данных «Повести дивной». Гнусность наказания шпицрутенами заключалась в том, что, зачасную, убивая наказуемых, экзекуция должна была убивать человеческие чувства в сотнях и тысячах солдат с прутьями, в целых воинских частях. Но и николаевская военная машина не в силах была вытравить из солдата человека, поэтому каждая экзекуция требовала строгого надзора за самими солдатами, примерного наказания сострадабельных. Вспомним, что именно эта сторона наказания более всего потрясла Толстого, именно ее поставил он в центр сюжета своего рас-

сказа; это рассказ не о забитом насмерть солдате, а о полковнике, расправлявшемся с теми, кто слабо бил.

«А егда же поведоша блаженных по фрунту, тогда един некий, идяше по за фрунту и бияше в барабан и приглашая, глаголаше сице:

„Пройди, пройди, молодец,

Не далеко твой конец!“»

Каков образчик палаческой поэзии!

«И тако блаженным умиленно идущим, а салдатом же со обоих стран крепко биющим, плоти же их кусками на землю валящимся и крови источники лияхуся, яко и самой земли обагрятися. Блаженным же страстотерпцем ничто же ино во устех бяше в той час, егда идяху сквозе великий той пламень, токмо молитва Исусова. Егда бо коегождо их воин прутот ударяше, то он велегласно возглашаше: „Господи Исусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!“ И тако блаженнии пройдоша первый конец, еже есть шестьсот салдатов, приемше шестьсот ударов. Первый Кокушкин пройде невредно, тако же Максим и Иоанн, и тии пройдоша еще в силе, и Алексей такожде не изнеможе. А Петр же, егда пройде строй весь, абие паде от изнеможения. Видевше же его падша, немилостивии слуги, взявше и вложиша его во оную лубяную телегу, уготованную на увезение их в больницу.

А меньший же брат их, иже последи всех шедый, егда блаженный он пройде еще первую половину фрунта, абие начат падати на колену. Ундеры же офицеры поддерживающе его, и паки на нозе поставляюще. И тако другую ту половину иде раб божий, часто падая на колену, не могый терпети жестокаго того удара, мняше бо ся ему то ударение, яко огненное жжение. На толико бо немилостивии тии слуги жестоко бияху их, яко и словом изрещи неможно. В то же время сему рабу Божию неким прилучаем обретеша телоносный крест назади и егда же воин удари блаженнаго прутот, и угоди по кресту, и абие медный тот крест свися в кольцо. Аще ли же медный крест на теле в кольцо свися от удара, то коликая жестость и лютость в чувствии плоти блаженным страстотерпцем беяше в то время!»

«Повесть дивная» не ограничивается этим риторическим восклицанием. Именно здесь слово непосредственно берет сам Владимир, чтобы от первого лица рассказать нам о своих переживаниях, о том, что чувствует человек, которого ведут сквозь строй.

«Яко же сам раб Божий (Владимир.— Н. П.) последи некогда поведа нам, глаголя:

„Мнех бо ся, рече, тогда, яко во огни стояти ми. Егда же ударяху мя, и то не мнех аз, яко прутот ударяют, но яко огнем жгут, или ножом режут мя по хребту моему. И от толика болезни и тяжести не могах стояти на ногах моих, но аки вне себе бых и падох на землю. Слуги же,

¹⁰ Это знаменитая народная переделка казенного термина «экзекутор».

ведущие мя, подымающе, поставляху на ногах моих. Аз же, егда ощутив ударение, паки падах на землю, и ниже памятовах сие, яко падаю, но ничто же ведях деющего ми ся».

Составитель «Повести дивной» хорошо понимает особое, исключительное значение этого уникального рассказа. Недаром его и только его выделяет он как прямую речь самого Владимира. Затем он возвращается к изложению в третьем лице:

«И тако блаженный он, идый и часто падая, егда же приблизился к концу фрунта, яко остася еще человек пятьдесят или менее, абие паде блаженный и не могоша его возставити ундеры-офицеры, но тако влечаху его по земли, глаголюще сице: „Иди, друже, иди, еще бо ти много есть шествия по пути сему, аще ли не днешь, то во иное время проходити же тебе его“. Видев же сие секутор абие рече: „Отставить сего!“

Вземше ж слуги и положиша в телегу, иде же и брат его Петр лежит, тамо и сего положиша, токмо во особую телегу, и накинута на них сверху пододевочками. А от исподи же телеги мраз бе, понеже в той день мраз велик бысть и ветер зельный, а время же бе утреннее, яко едва взыде солнце. И тако блаженный лежаще в телегах тех наги и уранены и кровию обагрены и мразом померзаемы. Бе же видение их умиления и слез исполнено. И егда же повелеша раба Божия вложить в телегу, Алексей же возрев на нь и виде тело его уранено и кровию обагрено, и абие нападе страх на нь и ужасеся сердцем к тому, не возможе более пойти по фрунту. Секутор же повеле оставити и сего, и тако вложиша и того в телегу.

А блаженная же троица, Евдоким и Максим и Иоанн, паки поидоша по фрунту во второй конец. И два от них, Максим и Иоанн, не дошедше середины фрунта, абие падоша. Секутор же повеле и сих отставить. И тако вложиша и сих в телеги, идеже и братия их. А блаженный Евдоким один паки пройде и вторый конец, еже есть тысящу и двести ударов прият. И пако хотяше еще третье ити, понеже сей блаженный мужествен бяхе телом и крепок, яко и вдвое терпяше против дружины своея, но и еще силу имяше и паки третье ити хотяше. Аще и вельми уранен бяхе, но не толико болезни чуяше, яко же тии блаженнии. Понеже бо на толико жестоко их немилостивии они слуги бияху, яко блаженному Евдокиму и левый бок пробиша до внутренних, даже и видетися внутренним его, сему же тако бывающе. И абие позрев блаженный Евдоким семо и овамо, и никого же около себе виде братий своих, токмо он един, и сжалиси зело, яко они его ради мерзнут, абие рече в себе: „Что аз разгулялся, а братия же моя дрожат и мерзнут, аз же гуляю. Ни, не буди сего, перестану и аз гуляти zde“. И абие отторг руце свои, глаголя: „Не хочу аз более пойти“. И тако

секутор повеле и сего отставить. Отставлену же бывшу блаженному, и положиша его в телегу, и тогда повезоша их в больницу».

Это страшное, уникальное в своей реалистичности описание экзекуции «Повесть дивная» заканчивает на торжественной ноте — на панегирике подвигу казаков, удививших своим мужеством небо и землю: «земля абие ужасеся и вострепета», «чины небесныя дивством содержими бяху», «а человецы же подобострастнии, видяще таковое их мужественное терпение, наипаче яряхуся».

Более всех ярился, как думает автор «Повести», генерал Перовский; напротив, генерал Подуров «идяше позади фрунта, зря вольное терпение новых страдальцев, умиляшеся сердцем и от жалости не могый слез держати плакаше и платом слезы отирая».

* * *

Оренбургская экзекуция произошла на исходе сроков, отпущенных историей николаевскому палочному режиму военно-отеческого крепостничества. Сроки эти, уже не раз отодвинутые терпением и страхом, невозможно было отодвигать далее. Статистика крестьянских выступлений 1850-х годов внятно свидетельствовала, что терпению пришел конец. Петербургская машина создания страха, еще недавно казавшаяся неодолимой не только в России, но и во всей Европе, стала давать серьезные сбои. Среди многочисленных признаков этого историки запишут теперь и смелое публичное объявление царя антихристом, сделанное шестью оренбургскими казаками и, особенно, то, что неоднократные попытки увещавателей и экзекуторов запугать казаков, заставить их отказаться от своих опасных слов окончились неудачей — казаки победили в себе страх, и именно это неоднократно будет подчеркнуто «Повестью дивной» как их главный подвиг.

В те же дни неожиданная слабость российского самодержавия была с предельной наглядностью продемонстрирована в битвах Крымской войны. Крах константинопольских, ближневосточных амбиций Николая I осенью 1854 года уже перерастал во все более неотвратимую угрозу общего поражения. Русские солдаты и матросы по-прежнему сражались с удивляющим Европу героизмом, но оно не смогло теперь избавить страну от поражения. Позади уже были Балаклава и Альма, 13 недель оставалось до Евпатории. Этого позора царь не сможет пережить. Подавленный, сторонящийся всех, он будет по ночам одиноко вышагивать по Зимнему дворцу и улицам столицы. 18 февраля 1855 г. царь умрет, и хотя в официальном сообщении будет объявлено — от воспаления легких, в Петербурге будут упорно ходить слухи о самоубийстве. Знаменитыми станут слова Герцена о том, что «Имперникель» умер от «Евпатории в легких».

Вечером 3 ноября 1854 г., когда наказанных оренбургских казаков на тряских телегах везли с места экзекуции, — Николаю I оставалось еще три с половиной месяца жизни. Перовскому — почти три года, Максиму и Петру Трегубовым — несколько часов, Ивану Крылову — чуть больше недели, Евдокиму Кокушкину — около полугода, Владимиру Трегубову и Алексею Киселеву — больше четверти века.

Их везли в больницу, где врачи должны были их лечить. Лечить ради торжества законности, чтобы осужденных можно было опять гнать сквозь строй, чтобы они получили назначенные им три тысячи ударов; пока же Петр, Владимир и Алексей получили лишь пятую часть этого числа, Евдоким — две пятых, остальные — около трети. Лечить, чтобы можно было продолжить истязания, — такова была неизбежная формула тюремной медицины. Понятно, что смерть в больнице, до очередной экзекуции, казалась казакам желанным избавлением от мучений. И одновременно избавлением от новых попыток сломить их дух, заставить отказаться от сделанной ими категорической оценки императорской власти (такие попытки продолжались и в больнице). В подобных обстоятельствах нет ничего удивительного, что наказанные вспомнили о старообрядческих эсхатологических рекомендациях «истаяти голодом», чтобы не подчиниться антихристу. Свое пребывание в больнице они начали с отказа от приема пищи и лекарств, а на уговоры врачей и начальников отвечали:

«И что же ради вы хотите целить нас, или сие мните, яко егда оздравеем, паки таковыя же язвы наложите, а нам уже и сего довольно, есть бо нам сие до сытости».

В этих спорах Петр и Максим Трегубовы уже не участвовали — они скончались вскоре после прибытия в больницу.

Еще по дороге в больницу наказанные испытывали отчаянные муки, лежа на голых досках телег, на локтях и коленях, страдая не только от ран, но и от неожиданно сильного в тот день мороза. Когда телеги подъехали, наконец, к больнице, казаки уже не могли двигаться. «Бяше бо им по хребту яко едина язва, от главы даже до ног, к тому же еще и померзше мразом, и быша аки мертвы».

Их внесли сначала в ванное помещение больницы (Владимир объясняет своим сибирским слушателям, что это такое: «Бе же у больницы выстроена полата теплая, называемая ванна; в ней же уготованы бяху большыя чаны, в них же наливают воды, и в те чаны подвежена ис печи продуха, и тою продухою пуцают пар в чаны тыя и согревают воду; в ту же теплую воду сажают больного человека даже до выи, а иногда до пояса»). Наказанных побоялись, однако, поместить в воду и отогревали паром. Затем их ввели в «полату», положив на «одрах», застеленных соломенными перинами и подушками.

Вскоре у них начался сильный жар, лечение пока ограничивалось рекомендацией поливать голову уксусом. Бессонная ночь прошла в тяжких муках, лишь Петр сказал, что хочет уснуть и вскоре затих, как потом оказалось — навсегда.

Остальные заметили его смерть около полуночи, когда обеспокоенный его неподвижностью Евдоким с трудом дополз до «одра» Петра. Врачи узнали о первой смерти рано утром, на рассвете. Тогда же они обратили внимание на плохое состояние Максима. Ему насильно, несмотря на его отказ, дали какие-то «облегчительные капли».

«Егда же они капли тыя вливаху во уста блаженному Максиму, тогда меньший брат его, опасно смотряше на нь, и виде, яко они принесоша малую сткляницу, в ней же бяше некое растворение бело, аки снег. А егда же они вляша во уста, ему абие отидоша. Меньший же брат, смотряше на нь прилежно, и виде, яко лице блаженного Максима помалу нача белети, и тако более прибавляшеся белость и внезапно бысть все бело, аки снег. И в той час предаде блаженный Максим душу свою в руце Господеви».

О двух смертях было сообщено главному врачу больницы Колышкину. Врач, подававший Максиму капли, упросил казаков не говорить Колышкину об этом, заверяя их всячески, что это было «не смертное», но «облегчающее» питье.

Читая рассказ «Повести дивной» о больничных событиях, как и многие другие страницы этой удивительной книги, все время ощущаешь специфику мировоззрения ее автора. Его реакция на происходящее существенно отличается от той, которую привычно ожидаешь. Это одинаково чувствуют и нынешние читатели «Повести», и люди, окружавшие тогда ее героев, но принадлежавшие к другой культуре, к другим слоям общества.

Так, рассказав об «облегчительных» каплях и беспокойстве врача, Владимир не придает ни малейшего значения выяснению всего этого вопроса, читатель остается в неведении о непосредственной причине смерти Максима: казаки разъясняют врачу (а автор «Повести» — читателю), что их все это нимало не интересует и не беспокоит:

«Не печалуй, друже, — отвечают они врачу, — о сем никакже. Что же ради мы будем глаголати на тя, мы бо и кроме сего смерти желаем, аще бы ты и смертно подал еси, мы же о сем никакже не радим».

Стоит, однако, вдуматься, и логика этого странного на первый взгляд ответа становится понятной. Все они еще находятся рядом со смертью и смерть сейчас, в больнице для них желаннее, предпочтительнее кончины после очередных хождений по «зеленой улице» — независимо даже от старообрядческих оправданий смерти за веру, хотя «Повесть», конечно, подчеркивает именно эти оправдания, и они действительно имеют для казаков немалое значение.

«Главный доктор» Колышкин, конечно же, не мог предположить, что его слова и действия будут понятны автором «Повести дивной» как новые доказательства чудесной богоизбранности наказанных за обличение царя. Когда Колышкин анатомировал тела Петра и Максима, он обратил внимание на их отчаянную обескровленность после экзекуции — даже сердца были якобы белыми.

«Повесть дивная», рассказывая об этом, вроде бы находится в кругу понятий Нового времени, подчас пытается даже использовать новую терминологию («натомить» — анатомировать). Но в результате получается вполне традиционный по духу житийный рассказ об удивительных чудесах, свидетельствующих о святости и богоизбранности мучеников («белые сердца»!).

«И рече им (Колышкин купцам-старообрядцам. — Н. П.): „Видите, друзи, яко аз имею уже шестьдесят лет от роду, а на сем деле уже лет тридцать, и колико аз натомих мертвых, никако же николи же видех таковых сердец, и мню, яко не наше се дело, еже погребению их предати“. И абие рече к купцам, старообрядцем сущим: „Возьмите, друзи, телеса сия и по обычаю вашему погребите их, мы бо недостойни есмы даже и видети их“».

Оренбургские купцы-старообрядцы, несомненно, считавшие наказанных своими единоверцами, «честно погребоша» Петра и Максима в одном гробу, отлив на их могилу памятную плиту с надписью об их подвиге. В «Повести дивной» эта надпись приводится в вольном пересказе, по которому трудно судить о подлинном тексте; пересказ этот смело называет основную суть их деяния:

«Ясно и дерзостно изобличивши всепагубную лесь лютаго зверя, льстеца и богоборца Антихриста, того ради законно и праведно пострадаша и великое мучение прияша от безбожных и немилостивых человек в лета от сотворения видимыя твари 7362-е, а от воплощения божия слова 1854-е, месяца ноября, 3-го числа в среду»¹¹.

Умерших похоронили, а живым приходится думать о том, как жить дальше. Сначала решили, что лучше сразу последовать за Петром и Максимом, чем опять идти на казнь. Три дня казаки отказывались от еды и лечения, отвечая на все уговоры докторов, что они

¹¹ Характерная деталь: Владимир допускает ошибку в переводе последпетровского летосчисления «от рождества Христова» на древнерусское «от сотворения мира»: в связи с переносом начала года с 1 сентября на 1 января для месяцев с сентября по декабрь разница между датами обоих летосчислений составляет не 5508, а 5509 лет. При этом правильно написана дата по новому исчислению: именно по нему живут уже в алтайском скиту Владимира. Автор «Повести», стремящийся придерживаться традиций старообрядческой письменности, не всегда твердо знает эти традиции.

желают умереть. Затем «прииде в больницу старейший надзиратель больницы и всех докторов, чином офицер». Ему в конце концов удалось убедить казаков начать принимать пищу при условии, что еда будет готовиться не в больнице, а в домах купцов-старообрядцев. От любого лечения (кроме укусовых примочек на голову) наказанные по-прежнему отказались.

Хотя «Повесть» сообщает обо всех этих переговорах довольно глухо, опуская ряд важных подробностей и не подчеркивая изменение позиции казаков, не приводя мотивировку этого изменения, можно понять, что оно прошло не без споров между наказанными. Выявились две позиции. Иван Крылов категорически отказался прекратить голодовку, остальные согласились принимать пищу от старообрядцев. Забыв свои недавние рассуждения о том, что такое принятие полностью приравняло бы казаков к тем старообрядцам, которые лишь внешне порвали с «миром Антихриста», а на деле подчинились ему, автор «Повести» всячески восхваляет как богоугодные оба решения — и Ивана Крылова, и остальных. Но на деле перед нами две различные линии поведения, давно уже существующие в старообрядческом, а затем и бегунском отношении к «миру Антихриста» и связанные со степенью радикальности отрицания этого мира. Недаром позиция Владимира, Алексея и Евдокима устроила «офицера-надзирателя» — это было хорошо известное ему нежелание старообрядцев смешиваться с «мирскими» в еде, не больше. И трое наказанных, и оренбургские купцы явно считали себя при этом членами одной старообрядческой организации, причем казаков не смутила несомненная умеренность и религиозной, и политической позиции купцов. Бегунский радикализм окончательно победит в мировоззрении Владимира позднее. Но конечно же, главный герой «Повести дивной» не может на страницах повести оказаться в своем протесте менее решительным, чем кто-либо из его друзей. Вот почему наш источник стремится умолчать об интересных для нас спорах, равно благословляя обе стороны.

Зато «Повесть» очень подробно, на нескольких страницах, рассказывает о преклонении оренбургских купцов перед мучениками, о помощи им, о том, как дочери купцов Онуфриева, Лебедева и Замощикова «каждодневно приходяху ко блаженным страстотерпцам», как они буквально завалили больничную палату всевозможными яствами.

В этой же палате умирал без пищи Иван Крылов; после экзекуции его организм выдержал лишь семидневную голодовку.

Эта смерть, наконец, обеспокоила оренбургское начальство и привела к существенному облегчению участи оставшихся в живых.

Возник бюрократический спор о том, кто несет ответственность за смерть Ивана Крылова.

Неполная осведомленность и особенности мировоззрения Владимира, несомненно, накладывают значительный отпечаток на рассказ «Повести дивной» об этих событиях. Она сообщает, что главный врач больницы Колышкин «ужасеся скорому умертвию трех человек» и поспешил отвести возможное обвинение от больницы. Он «огорчился зело на генерала Перовского, его бо то дело бяше, еже настояти суд той» (отметим, кстати, точную реалию «Повести»: мы видели, что оренбургские казаки, действительно, были преданы военному суду по настоятельному требованию Перовского). Колышкин отправил Перовскому резкое письмо, доказывая, что он не виноват в смерти казаков. Владимир, конечно, этого письма не видел, в лучшем случае до него могли дойти какие-то слухи о сути этого послания. На страницах нашего источника оно выглядит очень красочно:

«Василий Алексеич! — якобы пишет Колышкин Перовскому. — Вы мне не посылайте мертвых человек воскрешать, но токмо посылай больных исцелять. Аз бо еще не навывкл есмь мертвых воскрешать, но токмо художество имею больных исцеляти. А ты же трех человек убил еси и прислал ко мне целити. Сие дело мне отнюдь есть невозможное».

«Повесть» рассказывает далее, что письмо Колышкина попало к Перовскому, когда у него был приехавший из Петербурга «по особым поручениям министр». «Министр же взем послание то и прочет, абие ужасеся сердцем и жестоко начат поношати Перовскому». Эти упреки привели в конце концов к тому, что Перовский приказал освободить оставшихся в живых от дальнейшего наказания шпицрутенами, ограничившись уже полученным ими числом ударов и сибирской каторгой.

Страницы «Повести», посвященные подробному изложению разговора министра с Перовским, конечно же, лишены документальности и являются плодом вымысла Владимира, основанного на каких-то догадках оренбургских купцов о причинах «помилования». Но тем интереснее нам, как же объяснял сам Владимир происшедшее. И здесь мы опять явственно замечаем то же влияние идей наивного крестьянского монархизма, о котором уже писали выше. Даже царь-антихрист, оказывается, был сравнительно милостив, ибо он приказал наказывать казаков «с милостью, не отделя локтя»; в смерти троих казаков, получивших далеко не смертельное по тогдашним оценкам число ударов, виноват прежде всего Перовский, приказавший «пребрегая царское повеление» бить их «не яко человеки, но аки скота или зверя... во всю руку».

На деле царь не вдавался в детали организации экзекуции, порядок которой был давно разработан и определен. Царь, как мы видели, утвердил лишь общий принцип строгого наказания — в полном соответствии с предложением Перовского. Приговор военно-полевого суда также был подтвержден в Оренбурге Перовским.

Но до чего же стойкими были народные представления о жестоких слугах милостивого царя, если они сохранились даже в сознании людей, считавших этого царя антихристом!

«Повесть дивная» красочно описывает далее, как министр, вернувшись в Петербург, сообщил государю о нарушении его воли Перовским (который в связи с этим даже назван «государственным преступником»). Царь потребовал Перовского «в столичный град Петербург предстати государю. Он же, яко услыша сия, зело убояся и абие испи смертное зелие и тако издыше и сконча суд, изнесенный на ся». (На деле, конечно, этого царского гнева не было, а Перовский умер своею смертью через два с лишним года после кончины Николая I.)

Так на наших глазах действительность преображается под пером автора нашего источника, и самый жестокий злодей погибает, как Иуда, от собственных рук.

Погибает вскоре и его верховный начальник, царь-антихрист. Но «Повесть дивная» не использует этого вполне реального факта для естественных в ее системе понятий морализирующих выводов, смерть царя просто констатируется. Быть может, дело в том, что по церковному учению смерть антихриста произойдет лишь в особой обстановке кануна Страшного суда, от рук победившего его Христа. Хотя многие старообрядческие течения давно уже не понимали этого учения буквально, но автор «Повести», возможно, не желал углубляться в соответствующие догматические рассуждения. Как бы то ни было, о смерти царя сообщается кратко и без оценок.

«Не по мнозе же времени умре и государь Николай Павлович и в него место воцарися наследник сын его Александр Николаевич».

Того ради в то время оставиша суд, яже о блаженных, но свои недостатки исправляху. (Какова аттестация буржуазных реформ правительства Александра II! — Н. П.) Блаженнии же пребывающе в больнице, благодаряще Бога».

На обильном купеческом довольствии Владимир и его друзья постепенно справились с тяжелой горячкой, стали поправляться. «Мало по малу начаша оздравети, начаша же и аки малыя дети помалу на нозе вступати», затем ходили, опираясь на палки.

К концу третьего месяца пребывания Владимира, Алексея и Евдокима в больнице начальство решило, что они уже вполне готовы для пешего этапного шествия в Иркутскую губернию, на каторгу. В последний раз у них осведомились, не желают ли они ценою отречения от

своего протеста избавиться от каторги и вернуться по домам. После решительного отказа их назначили на 2 февраля 1855 г. в очередной этап. Генерал Подуров прислал им «на дорогу» через адъютанта пять рублей серебром. Казаки возблагодарили Бога и доброго генерала.

Трое казаков отправились в кандалах в Сибирь 2 февраля 1855 г. «в рестанской партии, то-есть посреде убийственных и злодейственных и законопреступных человек» — российские самодержавные власти предпочитали не отделять «государственных преступников» от воров и убийц.

На Пасху (27 марта) этап прибыл в Уфу, тюремные власти разрешили арестантам праздновать каждому по своему обычаю и разумению день воскресения бога любви и милосердия, и «Повесть дивная» особо подчеркивает, что из всех арестантских молитв лишь молитвы Владимира и его друзей были истинными и возносились к престолу Всевышнего.

Вскоре после выхода из Уфы Евдоким признался Владимиру, что его очень страшит сибирская каторга, что он боится не выдержать, тем более, если будет один. Он считал весьма вероятным, что на каторге его отделят от друзей. Евдоким сказал, что видит лишь один путь, чтобы избежать ужасов каторги и не пасть духом, не подчиниться антихристовым властям: «Не прияти телесныя пищи, но голодом и жаждою истаяти пред Богом, аки воск». Владимир и Алексей благословили его на это. Узник начал тайную голодовку, бредя с этапом в кандалах. Лишь на двенадцатый день он свалился. Евдоким сказался больным, и конвойный унтер-офицер приказал посадить его на коня. Несколько раз он падал с коня под улюлюканье уголовников, всячески досаждавших ему. Вечером того же дня этап, наконец, прибыл в Тобольск. Евдокима поместили в тюремную больницу, где он продолжил голодовку. Владимир и Алексей через день ушли с этапом в Тару. Там они под видом болезни смогли задержаться до следующего этапа, чтобы узнать о судьбе Евдокима. С новым этапом пришел один из свидетелей его смерти, наступившей в тобольской тюремной больнице на 24-й день тайной голодовки Евдокима; в больнице думали, что он умер от какой-то тяжелой болезни, дело было обычным, и на Евдокима внимания не обратили.

Путь Владимира и Алексея через Томск и Красноярск в Иркутск и далее на Александровский завод обрисован в «Повести» очень кратко, за исключением двух эпизодов, которым посвящена особая глава (начиная с рассказа о выходе из Оренбурга ранее единый текст «Повести» стал делиться на главы), озаглавленная:

«О явлении блаженным страдальцем на пути некоего странного и незнакомаго человека и о его утешительных глаголах».

Странник этот являлся им дважды, и лишь через несколько месяцев после второго его явления Владимир и Алексей пришли к заключению, что они были удостоены бесед с Иисусом Христом.

Первый раз он явился им верст за 500 до Иркутска, когда «во един от дней сотвориша приставницы на пути привал, сиречь отдохновение, требоваху бо юзницы отдохнутие, нозе бо им изнемогаху от желез». Когда арестанты отдыхали «среди станка», «возлежаще по земли», снаружи этапного ограждения со стороны дороги раздался голос, спрашивавший, нет ли здесь оренбургских казаков. Конвойные разрешили Владимиру и Алексею подойти побеседовать с незнакомцем. Они увидели «некоего человека незнакомаго, стояща на протуваре¹², обличем смугловата, взором же умилена и речию сладкоглаголива, возраста умереннаго, видети же его яко лет 30-ти» — возраст Христа времени его проповеди. Незнакомец сказал казакам слова ободрения и пообещал им исполнение их желаний.

Он спросил их: «„Поидосте ли, друзи, в путь свой?“ Они же отвечавше: „Поидохом, друже“». Тогда он сказал, что уже прошел этим путем и идет теперь «вспять», возвращаясь «восвояси».

Обычный вроде бы обмен репликами встретившихся на сибирском пути приобретает в контексте «Повести дивной» особый смысл. Это, конечно же, прежде всего мысль о том, что ссыльные оренбургские казаки, бредущие этапом по Иркутскому тракту, следуют мученическим путем Христа. Но в этих строках можно разглядеть и другое: Христос в первый раз является Владимиру и Алексею в облике человека, уже прошедшего сибирский каторжный путь и возвращающегося назад, быть может — беглого каторжника, подобно самим оренбургским казакам в недалеком будущем.

Таков Христос «Повести дивной», создаваемой в сибирском бегунском скиту!

Второй раз того же неизвестного странника казаки увидели в Иркутске, когда их партия остановилась посреди города, ожидая распределения арестованных на зиму. Они удивились, что человек, встреченный ими в полутысяче верст на запад от Иркутска и идущий к Уралу, опять разговаривает с ними — уже в Иркутске. Вскоре их удивление возросло, когда он сказал, что знает все обстоятельства их дела. Он повторил, что они получают все, что пожелают. Казаки ответили, что главное их желание — быть назначенными на каторгу на Александровский завод, где, по слухам, самый легкий режим и откуда про-

¹² То есть тротуаре (! — Н. П.)

ще всего бежать: «Блаженнии же того ради желающе в той завод, понеже слышаху от юзник, яко господин завода того кротчайший и милостивейший против протчих господиев, егда бо восхождут юзницы изыти из работы, то от сего господина удобнее избежати, нежели от прочих».

Удивительно характерно это главное желание наших каторжников! К нему позднее прибавятся два подобных: получить кандалы, которые удобно было бы при побеге снять, и каторжные клейма, которые можно было бы вывести. Чудесным образом (т. е. без хлопот и взяток), заступничеством самого Христа узники в конце концов получают все желаемое.

Таково понятие чуда для автора «Повести дивной»!

Не менее показательно и единственное условие, которое чудесный странник ставит для получения божественной помощи, — не давать никаких взяток начальникам: «начальников ничим не одаряйте... не давайте ни единыя цаты, Господь исправит желание ваше».

Таков, по мнению Владимира, завет Христа!

Казачи были в крайнем недоумении — как можно добиться чего-то без взяток? Но все же решили последовать наставлению.

Шли дни — всю зиму до весны 1856 г. они провели в иркутском остроге, ожидая весеннего распределения на каторжные работы. Таинственный покровитель не появлялся и не подавал о себе вестей, Владимир и Алексей начали волноваться.

Они думали о возможном рациональном объяснении происшедшего, считая, что собеседник их был известным среди арестантов иркутским заступником за каторжан, который почему-либо не смог исполнить обещанного.

«Повесть дивная» содержит следующее интересное свидетельство об этом человеке:

«Бяше же недалече от града Иркутска живяше некий господин, глаголют бо о нем, яко зело бысть милостив для юзников, овем бо от имений своих помогаше, а иных искупя восвояси отсылал».

Иркутск 1856 г., последнего года сибирской ссылки декабристов. Как хотелось бы, чтобы наш источник сказал больше об этом человеке! Иркутское общество тех лет крайне интересуется сейчас историков, этому способствует поразительная, какая-то личная заинтересованность самого широкого читателя во всем, что связано с сибирским подвигом декабристов. Я поражаюсь, будучи в Иркутске, как буквально весь город поддерживает все, что делается Обществом охраны памятников, Союзом писателей, Иркутским университетом для сохранения благодарной памяти об этих людях и их сибирских друзьях.

Поведай «Повесть дивная» чуть больше об Иркутске того, 1856 г. — какое удивительное пересечение исторических линий могло бы

возникнуть. Но молчит источник. Не будем винить Владимира — круг интересов его иной, да и много ли разглядишь в Иркутске из тюремного острога? Так и не дает нам «Повесть дивная» никаких дополнительных сведений о добром иркутянине, за которого оренбургские казаки, как им показалось, чуть было не приняли самого Иисуса Христа!

В конце концов удивительным образом Владимир и Алексей безо всяких взяток узнали полную меру каторжной удачи — удобный для побега завод, снимающиеся кандалы и каторжное клеймо, которое можно вывести.

Как только они сообразили, что иркутский благодетель ко всему этому непричастен, они сразу подумали, что такое в России могло случиться лишь по непосредственному велению Божию. И тут-то они вдруг вспомнили, что лицо их собеседника удивительно напоминало иконописные изображения Христа.

Больше Всевышнего вроде бы и просить было не о чем — остальное было в их руках. К тому же уже безо всякой их просьбы или молитвы небесное покровительство простерлось еще дальше: на заводе с Владимира через две недели вообще сняли кандалы и назначили на внешние работы в лесу, рубить дрова для завода. «И тако даша блаженному орудие, глаголемое топор, и испустиша его вон». Алексея расковали еще раньше, и он уже успел приготовить «вся, потребная на путь».

Владимир и через много лет хорошо помнил то чувство удивительной радости и легкости, которое охватило его, когда он ощутил, что на нем нет оков и стража не стоит за его плечами, помнил, как плакал он от радости, «смотряше на нозе и не видяше на себе желез». Владимир выбежал из «полаты», где с него снимали кандалы, «яко лев из вертепа или яко орел из бездны».

Той же ночью Владимир и Алексей бежали с каторги.

* * *

«Повесть дивная» краткости ради опускает все подробности обратного пути. Краткость эта имеет и рациональную сторону, вполне понятную с точки зрения общечеловеческой этики, но особенно характерную для бегунов-странников: она позволяет не описывать, кто и как прятал беглых каторжников. (Согласие бегунов знает два разряда посвященных: «истинных» странников и «странноприимцев», помогающих первым скрываться; имена тех и других держатся в строгой тайне.) Впрочем, в последующем изложении «Повесть» будет называть имена некоторых лиц, укрывавших Владимира.

Мы не знаем, как и при каких обстоятельствах первоначальное стремление принять мученическую смерть от рук антихриста стало у обоих выживших казаков заменяться другой программой действий: побег с каторги и дальнейшая нелегальная жизнь в тайном лесном

убежище, вне досягаемости слуг антихриста. Установка на побег была у них сильной уже по дороге на каторгу и была осуществлена, как мы видели, при первой же возможности. Сама по себе эта установка вполне логична, для отвергающих «мир Антихриста» казаков такое поведение стало наиболее вероятным, как только в оренбургской больнице они не поддержали голодовку Ивана. (Правда, Евдоким позднее изменил свой выбор.)

Вместе с тем, решаясь на побег и дальнейшую лесную жизнь, оренбургские казаки продолжали прочную традицию, корнями уходящую в глубь веков. Это та же традиция, что наполняла тысячами беглецов лесные убежища Сергия, Ивана Смирнова, Мирона Галанина, холопа Максима и многих других «расколоучителей» прошлых веков. В рамках этой традиции вполне земные причины побега от податей, рекрутчины, с каторги и т. д. освящались древними раннехристианскими идеалами пустынножительства, странноприимства. Возникшие лесные убежища — скиты были опорными пунктами старообрядческих организаций в крестьянской среде и держались только поддержкой этой среды.

Это был процесс, по внутренней своей сути в корне противоположный (при всем внешнем сходстве) тому, который приводил в допетровской Руси к созданию монастырей-вотчинников. Здесь возникали совершенно иные коллективы: трудовые общины, исповедовавшие идеал Максима Грека — нестяжание, жизнь от плодов рук своих. Перерождению таких общин в монастыри-феодалы препятствовал их тайный характер, правительственные и церковные преследования.

В то же время в крестьянской среде раннехристианский идеал скитского пустынножительства не раз вступал в острое противоречие с потребностью в семейной жизни, основывавшейся и на хозяйственных нуждах крестьянского двора. Еще до создания в конце XVIII в. беглым солдатом Евфимием согласия бегунов-странников противоречие это не раз приводило к самым невероятным попыткам сочетания пустынножительства и семейной жизни. Хотя бегунские скиты отличались довольно аскетическими правилами, и в этом крайне радикальном согласии отступления от требований сурового плотского воздержания не было такой уж редкостью, а известных руководителей согласия, бывало, сопровождали в их нелегкой скитальческой жизни горячо преданные им сторонницы.

Владимира и Алексея, бежавших из сибирской каторги, вряд ли еще можно назвать настоящими бегунами, и, как мы говорили, «Повесть дивная» почти не дает реальных фактов для суждения о том, как постепенно усиливались в их мировоззрении, идеологии бегунские черты.

Придя «во свою страну» («Повесть» имеет в виду Урал вообще, а не родину беглецов), они какое-то время укрывались в селах, переходя из дома в дом. Однако люди опасались подолгу держать их, и беглые вскоре стали думать о лесном убежище: «начаша испытovati о пустынном и уединительном месте для жительства хотящим уединитися от мирскаго сожития... и уведевше от неких, яко во области Режевскаго завода в прилежании села Покровского есть таковая пустыня непроходная для уединительного жительства».

Отправились туда весной 1857 г., после Пасхи (7 апреля). Так начинается пустынножительная часть «Повести». Как видим, при всем обилии в нашем источнике с первых его страниц рассуждений о бегстве в «пустынь» как одном из двух (наряду с мученической кончиной) путей спасения души, наших героев приводят туда вполне земные обстоятельства: прятаться в селах становится слишком опасно. Об этом вполне откровенно рассказывает Владимир.

И другая характерная деталь. Будущий авторитетный алтайский старец, начиная свой первый скитский опыт, считал возможным создание какой-то формы семейного пустынножительного поселения, осознавая одновременно всю неканоничность, греховность любых творческих поисков в этом направлении.

Вместе с двумя беглыми казаками для обретения пустынной жизни отправились два члена семьи их последнего укрывателя, Потапа Осипова — его сестра «дева лет около пятидесяти именем Стефанида» и муж другой его сестры Окантий. Этот последний решил переселиться в «пустынь» вместе с женой и детьми и поехал присмотреть место, возвести постройки и приготовить все к переезду. Стефанида же решила идти в скит, ибо «любовь велию стяжа ко блаженным страдальцем, паче же к рабу Божию блаженному Владимиру, любяше бо его паче меры». Ощущая некоторую зазорность ситуации, «блаженные» сразу же заявили, что смогут взять ее, лишь если с ней будет какая-либо «подруга» (планируя создание отдельного женского скита). Но «дева Стефанида», «отнюдь не хотяше разлучитися от раба Божия, любезнейши желаше с ними смерть вкусити, нежели разлучение от него терпети». В конце концов решили взять Стефаниду с собой, имея в виду, что позднее к ней присоединится ее сестра, жена Окантия. Правда, у самого Окантия были иные планы — создать семейную «пустынь» для себя, жены и детей.

К тому времени, когда в мои руки попала «Повесть дивная», такие планы, кощунственные с точки зрения монастырского устава любого православного монастыря, меня уже не удивляли. Рассказы о попытках осуществления подобных планов я уже слышал в сибирских старообрядческих поселениях. Рассказывали, например, как вскоре

после реформы 1861 г. несколько крестьянских семей, ожидая скорого прихода антихриста, в полном составе бежали в дебри кузнецких лесов и основали там скиты. Но антихрист все не приходил, былая строгость скитских порядков ослабела, и когда вошло в брачный возраст поколение, рожденное в «пустыни», было решено «вернуться в мир». Во многих сибирских скитах считалось грехом держать собак; эти молодые люди никогда прежде собак поэтому не видели и принимали их сначала за овечек.

Новосибирский исследователь, мой ученик Л. К. Куандыков занялся источником, который многим казался наиболее бедным исторической информацией — монастырскими уставами знаменитого центра поморского согласия старообрядцев — Выговской пустыни. Вскрылась наполненная драматическими поворотами картина борьбы братьев Денисовых и других авторитетных руководителей Выгореции за осуществление монастырских принципов, столкновение этих принципов с прочными традициями жизни крестьянской семьи, двора. Итоги бывали подчас неожиданными — оказалось, что настоящих монахов на Выге было очень мало даже в стенах самой «пустыни». А вокруг нее в многочисленных поселениях создалось необычное среднее положение, когда строгие монастырские уставы о молитвах, постах и некоторые другие сочетались с традиционными нормами семейной жизни крестьянского двора.

Но вернемся к «блаженным» беглым каторжникам «Повести дивной». Шли они со всяческими предосторожностями, значительную часть пути проходили перед рассветом; если доводилось проспать рассвет, в наказание весь день постились. Окантий быстро устал от такой дороги и вернулся домой, пообещав все же вскоре привести в будущий скит всю свою семью.

В селе Покровском сразу же нашли человека, имевшего связи с соседним пустынножителем старцем Мельхиседеком. Тот принял новых беглецов и разрешил им поставить келью невдалеке от своей. Осенью келья была готова; Владимир, Алексей и Стефанида поселились в ней, сохраняя самые дружеские отношения с Мельхиседеком и часто посещая его. К какому старообрядческому согласию принадлежал этот последний — наш источник умалчивает.

В конце осени стало ясно, что семьи Окантия ждать нечего, «тогда блаженнии начаша между собою советовати, како бы житие свое устроить по воли Божии». За этой торжественной формулировкой скрывались неприятные мысли о невозможности дальнейшей жизни Стефаниды в одной келье с двумя пустынниками. Стефаниде было заявлено: «Нам же невозможно есть с тобою вкупе пребывати, понеже жена еси, и едина, посреде нас». Несмотря на все уверения Стефаниды, что она не вынесет и часа разлуки, несмотря на ее обильные сле-

зы, когда она «поверже себе на землю, емлющися по нозе их, слезами омокая землю», несчастную 50-летнюю деву отправили назад на родину, искать себе «другиню» для пустынной жизни.

К концу 1857 г. Владимир и Алексей, не успевшие еще завести своего хозяйства, стали сильно ощущать нехватку продовольствия. Но на Рождество пришло неожиданное избавление от голода. Конечно же, «чудесным образом» провидение направило к стенам нового скита некоего лося, за которым охотился крестьянин села Покровского Тимофей Рябов. Преследуя зверя, охотник обнаружил избушку беглецов и познакомился с ними. В избушке он увидел «книги, подрушники и лестовочки» — обычная обстановка старообрядческого скита. (Очень интересно, что при этом не названы иконы — то ли Владимир уже тогда решил отказаться от них, то ли они не упомянуты в «Повести» под влиянием последующей иконоборческой практики алтайского скита Владимира.) Умиленный «святой жизнью» новых отшельников, Тимофей пообещал снабдить их необходимыми продуктами и к Рождеству выполнил свое обещание.

Среди зимы, на Сырной неделе 1858 г. (27 января — 2 февраля) в скит неожиданно вернулась Стефанида и сообщила, что все ее попытки найти себе «другиню» окончились неудачей. Рассказывая об этом на страницах «Повести дивной», Владимир ощущает себя несколько обиженным и ущемленным потому, что так-таки никого и не нашлось тогда, кто стремился бы разделить со Стефанидой радость общения с ним. Наш источник пространно разъясняет читателю, что это случилось неспроста, «Богу тако изволившу»; потом таких «желающих женского пола» оказалось сколько угодно, «мнози таковии обретошася старицы и жены средняго возраста и девицы младая мнози», жаждущие спастись при помощи Владимира, но тогда Стефанида осталась одна, дабы тем самым лучше явить образец всем «предбудущим» почитательницам «блаженного».

Бросившись в ноги Владимиру, Стефанида опять заявила, что не сможет жить без него и умрет, если он ее отправит обратно. В защиту своей просьбы она сумела найти весьма весомый для Владимира аргумент: несомненно, что столь безмерная любовь внушена ей свыше как путь для спасения души:

«Аз бо мню, яко тобою хочет Бог спасти душу мою, понеже вожжеся сердце мое к тебе любовью безмерною и не могу ни единого часа промедлити, еже бы честнаго лица твоего не видети, ниже сладкия беседы медоточных словес твоих не слышати».

Владимир сдался. Он объяснил Алексею, что не сможет взять на себя ответственность противостоять планам Всевышнего о спасении души Стефаниды. «И тако прияша ю к себе в сожитие», и стали опять жить втроем в той же келье.

Но Алексей, согласившись с аргументами Стефаниды и Владимира, тут же объявил, в свою очередь, что он собирается отправиться на родину за своей семьей, а также за женой или какими-нибудь родственниками Владимира. Вскоре он ушел; Владимир остался «во единой келии со блаженною девою Стефанидою, храними божиею благодатию».

«Повесть дивная» обидно мало и скупо говорит о контактах беглецов со своей родней. В Усть-Уйской станице Алексей уговаривал свою жену Сигклитию и жену Владимира Татьяну переехать в их «пустынь». Вроде бы последняя соглашалась сделать это немедленно, но Сигклития убедила ее подождать до лета, чтобы уехать вместе со всеми детьми. А пока Алексей уломал отправиться с ним в качестве подруги Стефаниды некую соседку, жену Дмитрия Иванова, имевшую уже взрослого сына Ивана. Владимир крайне скептически отнесся к этому выбору Алексея. Он подчеркивает, что новая подруга Стефаниды «невежда сущи нравом, отнюдь ничто же ведущи, ни писания, ни чтения, ни пустынного жития». Из-за этой ошибки Алексея в конце концов и рухнул, по мнению Владимира, весь их первый опыт пустынножительства.

Алексей вернулся из своей поездки в конце марта 1858 г., вскоре в семи верстах от первой кельи поставили вторую, и мужчины перешли в нее, оставив женщин в первой. Летние месяцы прошли спокойно, и Владимир надолго сохранил воспоминание о них как о самом приятном и радостном времени своей непростой жизни. Когда выдавался «день ясный, и веселый, и солнечный, и тишиною красящийся», пустынники гуляли близ своей кельи, подчас даже рисковали громко петь.

Но на исходе лета этой лесной идиллии пришел конец: из родной станицы к пустынникам переселились сразу девять человек, в том числе шестеро малолетних детей. Приехали жена Алексея с детьми, мать Владимира с его детьми (Татьяна незадолго до этого умерла) и Иван, сын новой пустынницы, «подруги» Стефаниды.

От этого последнего и пришла беда. Иван сначала попытался увести из лесу свою мать и Стефаниду, обманно сказав им, что пустынников арестовали и что надо спасаться. Когда же обман разоблачился, он бежал из лесу в село Покровское и объявил там в волостном правлении, что может показать тайное убежище разбойников. Отряд из 30 человек, приведенный Иваном, ночью внезапно захватил обе избышки. Пустынники-беглецы, оказалось, имели обыкновение каждую ночь, сменяясь, стеречь свою келью, но в эту ночь сон сморил всех обитателей избышки. Имущество скита было тут же разграблено с помощью Ивана; в лесных кельях к тому времени уже было немалое количество муки, крупы, масла, рыбы.

Всех обитателей двух избышек арестовали и отправили в село Покровское, где началось предварительное следствие. Владимир, Алексей и их родные, включая всех детей, тут же начали голодовку. Пустынники прекратили голодовку через 7 дней, их родные — через 12. Стефанида, отказавшаяся от еды вместе с ними, голодовки так и не прекратила до самой своей смерти на 17-й день (она не только не ела, но и не пила).

Жителей Усть-Уйской станицы отправили по этапу на родину, а беглых каторжников перевели в Ирбитский тюремный замок.

Последние полтора десятка листов «Повести дивной».

Такое впечатление, что все, о чем рассказывается на этих листах, происходит во второй раз. Снова следствие и суд, «кафермацья» и экзекуция, больница, этап, побег с иркутской каторги, возвращение на Урал. Снова полная опасностей тайная жизнь у преданных укрывателей и подготовка к основанию нового скитского центра. Но есть на этих листах и новое: быстрый рост популярности Владимира после второй экзекуции, рост его собственной убежденности в особом смысле его мученического пути, его внутренняя решимость стать лидером этого центра, уведа с собою в побег значительную группу уральских жителей.

За первый побег с каторги суд в Ирбите приговорил «их наказати на ешафоте палачем: бити плетью 50 ударов за побег, да еще 10 за предателя» (т. е. за попытку совращения в раскол и побег Ивана).

Эта вторая экзекуция состоялась 2 декабря 1858 г., через 49 месяцев после первой. По отработанной за века палаческой традиции осужденных везли к эшафоту в особой позорной телеге:

«Повелевшие начальницы исправить великолепную колесницу, то есть телегу на то уготованную, видом черную, высоко зело, имущу два колеса велики. А телега же та сверху круглая, подобна бочки, отнюдь вся черная. А наверху посреди телеги тоя столбик, к нему же виновного человека посадивше привязоваху вспять лицом на позор всем людем, и на посрамление тому человеку... Седя же блаженный на той великолепной колеснице, хваля и благословя Бога, сподобившего его, яко же Илию, на огненную колесницу всести на показание всем людем. Бе же колесница та высотой от земли яко три аршина.

Привезше же блаженного к эшафоту и снемше его оттуду. Бе же эшафот устроен по квадрату на четыре углы, от земли яко два аршина, весь черн, и насланный пол, на нем же утвержен столп, к столпу же пристроена дска, един конец подобно скамьи на ногах, а другой на полу, на тую дску привязуют виновного человека вниз лицом... Тогда

палачь привяжет виновника и начнет бить его плетью, плетъ же та о три хвоста, плетеная из ремней, гранатая».

Палач, привязывая Владимира, шепнул ему: «Аз тя буду легко бить, а ты же велегласно кричи: Помилуйте! И егда услышат начальницы глас твой, мнети имут, яко жестоко бию тя». Владимир не желал просить антихристовых начальников о милосердии, ведь мучение от их рук было его целью. Но было по-настоящему страшно, и он придумал маленькую хитрость, о которой простодушно рассказывает своим алтайским слушателям: «Блаженный же сия слышав, и яко человек помыслив в себе, глаголя: Буду глаголати „Господи, помилуй!“; „Господи“ реку тихо, а „помилуй“ громчае и вменится им, яко зову: „Помилуйте!“»

Но при первом же ударе эти расчеты были позабыты Владимиром, и он стал при каждом ударе громко кричать «Исусову молитву», прося милосердия лишь у Христа. В результате его били очень жестоко. Владимиру казалось, что Алексея били куда легче.

На сей раз их отхаживали в больнице вдвое больше, чем после первой экзекуции. Лишь через полгода их перевели в Ирбитский острог, где они больше месяца ожидали этапа.

Все эти месяцы Владимир, с трудом приходя в себя после наказания, напряженно размышлял о превратностях своей судьбы, укрепляясь в мысли, что пережитые им испытания ниспосланы ему неспроста, «яко же бо дважды оранная земля хорошую и прекрасную ниву творит и зрелый плод пшеницы приносит, от нея же угоден цареву обед устрояется». У него теперь нет сомнений, что в наступившие «последние времена» Всевышний, двукратно «очистив его от всякия скверны плоти и духа, и сотворив его чист сосуд избран честен на вменение дара божественнаго, ему же изволи открыти тайну божественнаго Своего смотра и обновления вконец истлевшаго и отпадшаго рода человеческого, восхоте его сим образом обновити и в паки бытие совершенна поставити».

Вот так — ни мало, ни много: две страшные экзекуции делают из Владимира нового Мессию, обновителя человечества. Рассыпанные по всей «Повести дивной» сопоставления Владимира с Христом находят свое логическое завершение. Страдания Владимира сродни страстям Христа, а позорные наказания позорят лишь наказывающих. Божественная правда — не в лагере тех, которые отдают и исполняют приказы о «зеленой улице», сооружают «ешафоты».

Но «Повесть дивная» не стремится стать новым Евангелием. И, в частности, она не излагает основ религиозного и этического учения Владимира. Мы так и не знаем, какую систему догм он создал или воспринял, — предполагаемые читатели «Повести» жили внутри этой си-

стемы, для них она была повседневностью. Мы не в силах по этому источнику уверенно найти место алтайского скита Владимира в пестрой картине самых разнообразных вероучений, толков, согласий, сект, оппозиционных синодальному православия. Ожидание конца света и мессианство были характерны для многих из них. Наиболее вероятно, что учение Владимира было близко к какому-то из направлений бегунства, будучи в то же время довольно самобытным явлением: «Повесть дивная» не обнаруживает тесной, непосредственной связи с литературной традицией бегунов.

Осенью 1859 г. этап с Владимиром и Алексеем пришел в Иркутск. Почти сразу же они опять бежали, всю зиму шли на запад и к весне 1860 г. пришли в Курган. Здесь, скрываясь, праздновали Пасху (3 апреля) и затем направились «ближе ко своему отечеству», в Шадринск.

Больше года их укрывали в Шадринске и окрестных селах. Наш источник подробно рассказывает о приключениях этих месяцев. Сначала их прятали люди, познакомившиеся с ними еще в Ирбите, после второй экзекуции, и тогда же ставшие их преданными учениками. Дважды власти нападали в Шадринске на их след; однажды Владимиру пришлось отсиживаться в подполе того дома, где их искали. Он провел там 12 дней. Два месяца в одном из тайников вместе с Владимиром жила его семилетняя дочь. Отец обучал ее грамоте. Старшая дочь Алексея Ирина также нашла отца и вместе со своей матерью жила с ним некоторое время.

Владимир считает, что именно ее неосторожная болтовня чуть было не стоила им свободы.

Пасху 1861 г. Владимир встретил, «сидяще под полом в сенях» одного из шадринских домов; через несколько дней его переправили в село в 45 верстах от города. Но и здесь было небезопасно, несмотря на рост числа приверженцев. Владимир и Алексей начинают активно искать такие отдаленные края, где можно было бы надежно укрыться от властей.

Весьма характерно, что направления этого поиска совпадают с путями вольной крестьянской колонизации. Сначала Алексей вместе с одной из своих сторонниц, шадринской купчихой Агафьей, отправился искать подходящее место приблизительно туда же, куда хотели бежать братья Трегубовы во время своей киевской поездки, — «хождаху к Черному морю для разыскания пустынного жительства». На юге Украины, на Кавказе и в Закавказье находилось тогда немало оппозиционных религиозных общин. Но шадринские посланцы не нашли там ничего подходящего. И вот тогда было принято правильное решение: бежать туда, где давно уже существовал целый обширный мир тайных убежищ, скрывавших никем не сосчитанные толпы беглецов.

«Тогда паки начаша совет творити с христолюбцы, еже бы ехати в Алтайския горы и тамо осмотрети вся пустынная места». В этих со-
вещаниях участвовало уже около 25 сторонников Владимира и Алек-
сея, стремившихся к созданию нового скитского центра. Разведка во
главе с тем же Алексеем была послана по традиционному маршруту
крестьянского побега, по освоенной бегунами дороге на Алтай, доро-
ге искателей «вольных земель», таинственной страны крестьянской
свободы — Беловодья¹³. На сей раз искомое место было найдено:

«Они же ехаста тамо (на Алтай. — Н. П.) и обшедше неколико гор
и на едином холму обретоша пещеру удобну ко вселению и невходну
человеком, возлюбивша же место то зело».

Алексей вернулся назад, чтобы привести к этому месту осталь-
ных. Вскоре сборы в далекий путь были закончены. Владимир, чтобы
его не остановили в дороге, переделался в купеческую одежду.

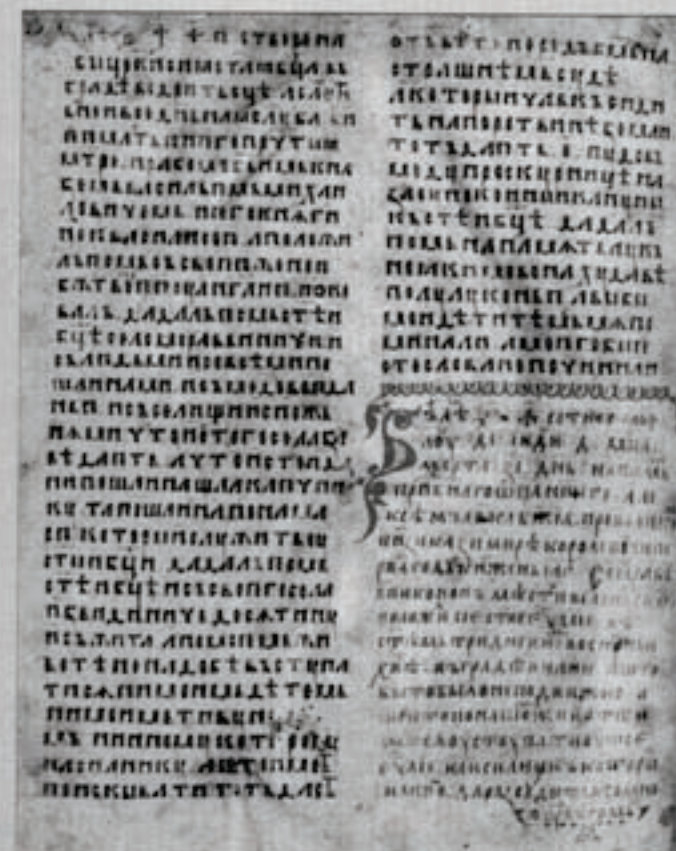
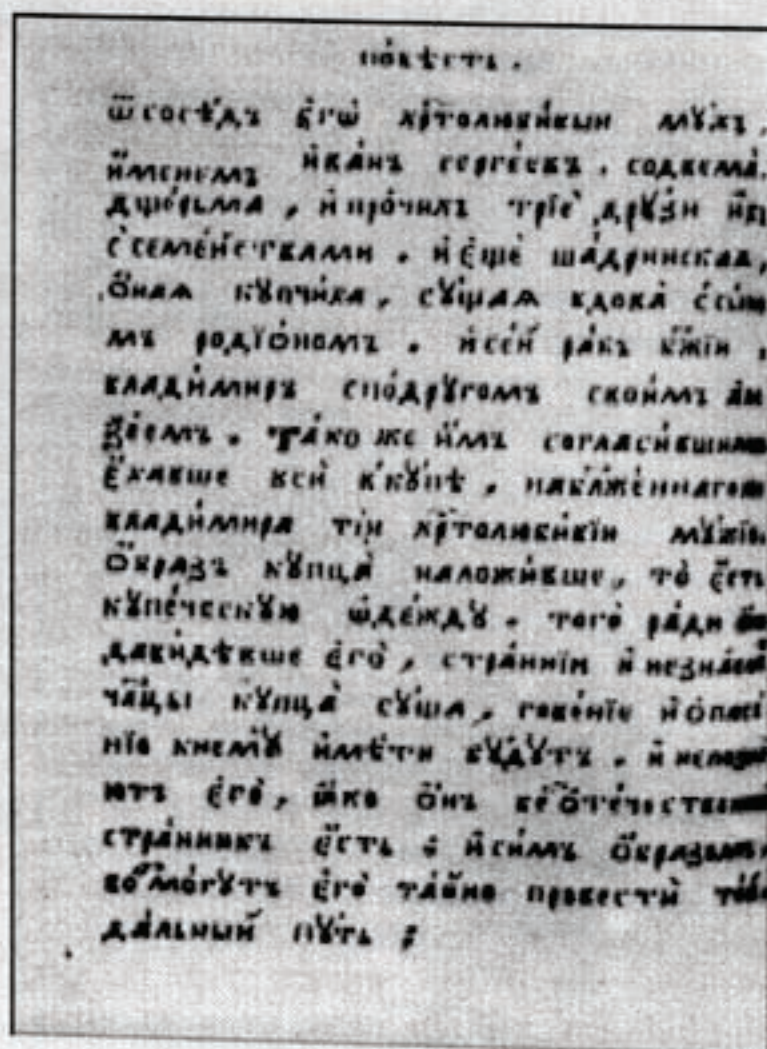

Рис. 1. Пергаментное Друцкое еван-
гелие начала XIV в. Древней-
шая книга собрания Тихоми-
рова (№ 1), записи на л. 188

Рис. 2. Евангелие XV в. из Тихомиров-
ского собрания ГПНТБ. Ви-
зантйский орнамент

На описании этого пере-
одевания внезапно обрыва-
ется текст «Повести див-
ной», страница осталась
недописанной

¹³ Уже в самом начале моей экспедиционной работы в Сибири мне очень
и очень помогло замечательное исследование К. В. Чистова о беловодской
легенде и ее фиксациях в XIX в. на Алтае.

Рис. 3. Орнамент парадной рукописи «Слова Иоанна Златоуста» из Тихомировского собрания ГПНТБ. Рукопись изготовлена по заказу вологодского архиепископа Ионы Думина

Рис. 4. «Праздники». Нотная рукопись XVIII в. Поморский орнамент

Рис. 5. «Праздники». Нотная рукопись XIX в. Гуслицкий орнамент

Рис. 6. Переплет московского
Печатного двора XVII в.

Рис. 7. «К концу дня тропинка привела нас к небольшой поляне. За нею — изгородь, стожок сена, огород. Жилье»

Рис. 8. «Близлежащее» (всего лишь в полусотне верст) с. Ужеп — последнее перед скитами

Рис. 9. Просушка книг скита Палладия

Рис. 10. Евангелие
Измарагды

Рис. 11. В Евангелии Из-
марагды застав-
ки удивительно
тонкой работы

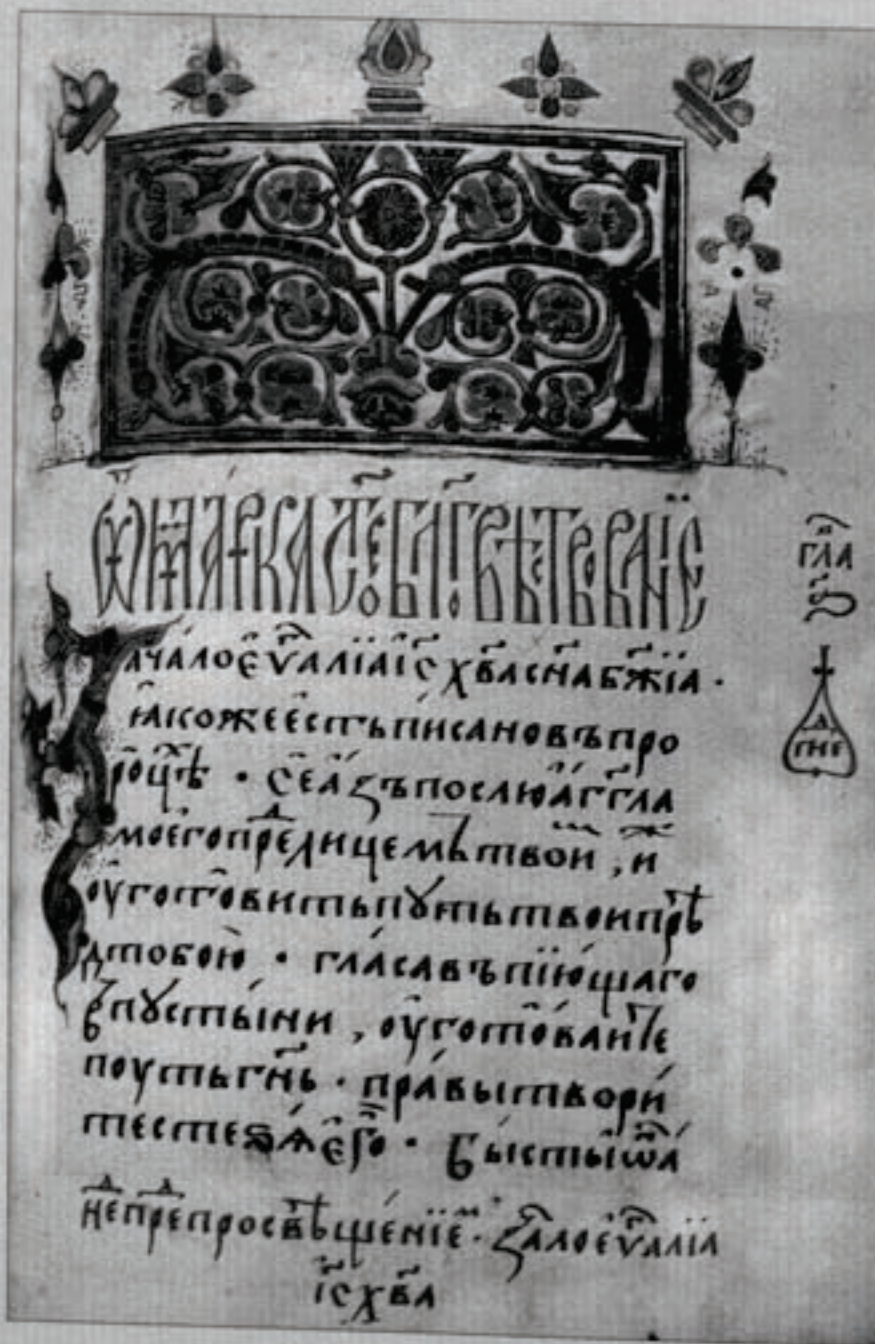

Рис. 12. Алтайский сборник. Житие
Александра Невского в ре-
дакции Ионы Думина

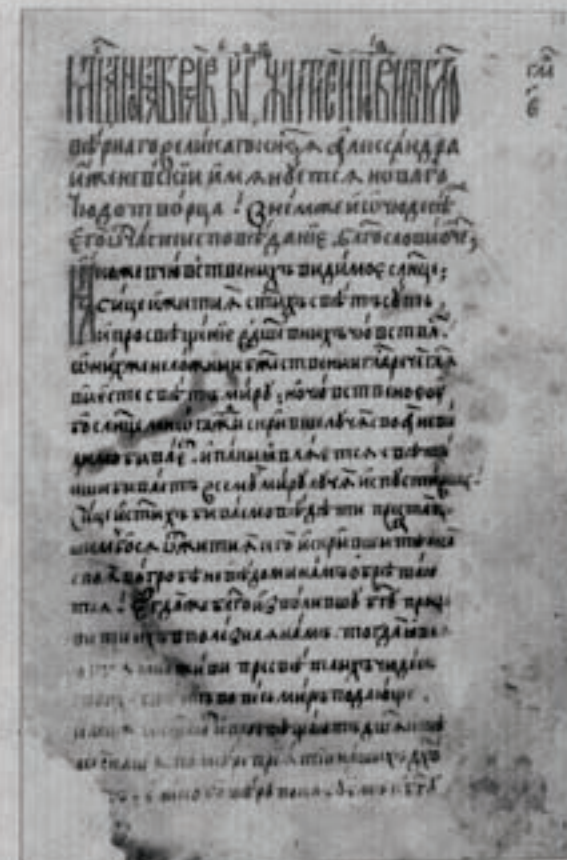

Рис. 13. «Флоренция градъ есть прекраснейшій...» — начиналось сочинение
Максима Грека об Иерониме Савонароле

Рис. 14. «И митрополит велел те хульные строки причести Максиму...»

Рис. 15. Я нашел в рукописи XIX в. среди миниатюр старообрядческих мучеников страшное в своей реалистичности изображение четвертования полковника Немчинова...

Рис. 16. Небесное воинство гонит Петра I в геену огненную

Рис. 17. Поморские писатели Семен и Андрей Денисовы. Выговский лубок. Тихомировское собрание ГПНТБ

Рис. 18. «Тексты, привыкшие находиться под досками роскошных переплетов...». Оклад Евангелия XVI в.

Рис. 19. Гибель нечестивого Вавилонского царства — прообраз гибели всего нечестивого мира. Миниатюра Апокалипсиса лицевого XVIII в. из собрания Института истории СО РАН

Рис. 20. С. Денисов. «Виноград Российский». Поморский орнамент

Рис. 21. Лицевой Апокалипсис, переписанный и иллюстрированный яростным бунтарем, беглым солдатом Евфимием — основателем согласия бегунов

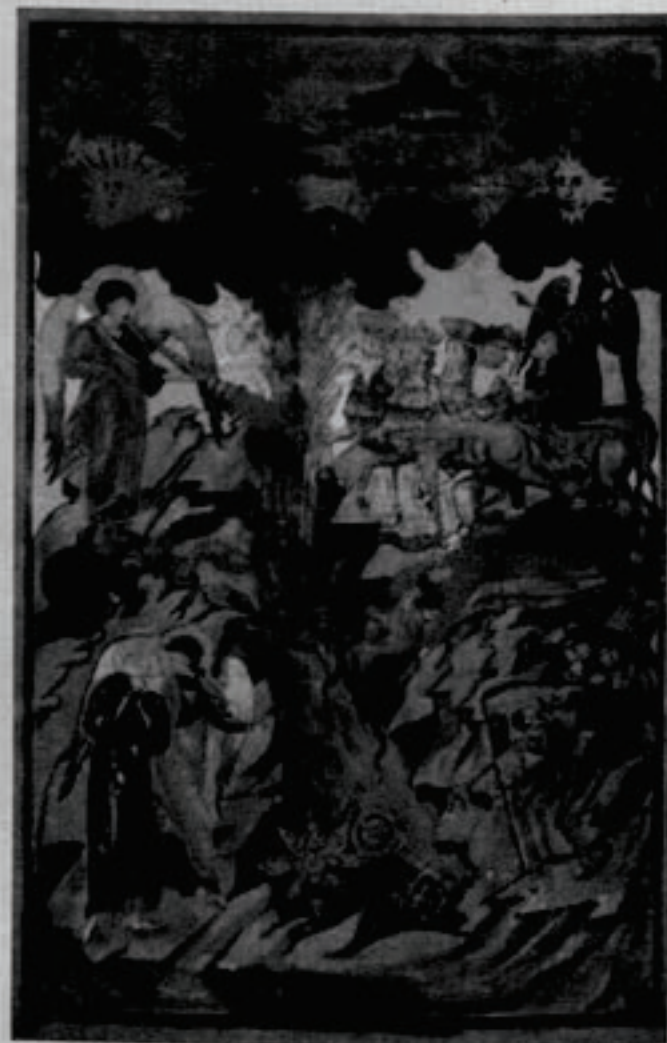

Рис. 22. «Никола Мирликийский был на иконе одет не в канонические кресчатые ризы, а в простую рубаху фабричного ситчика в зеленый и желтый горошек»

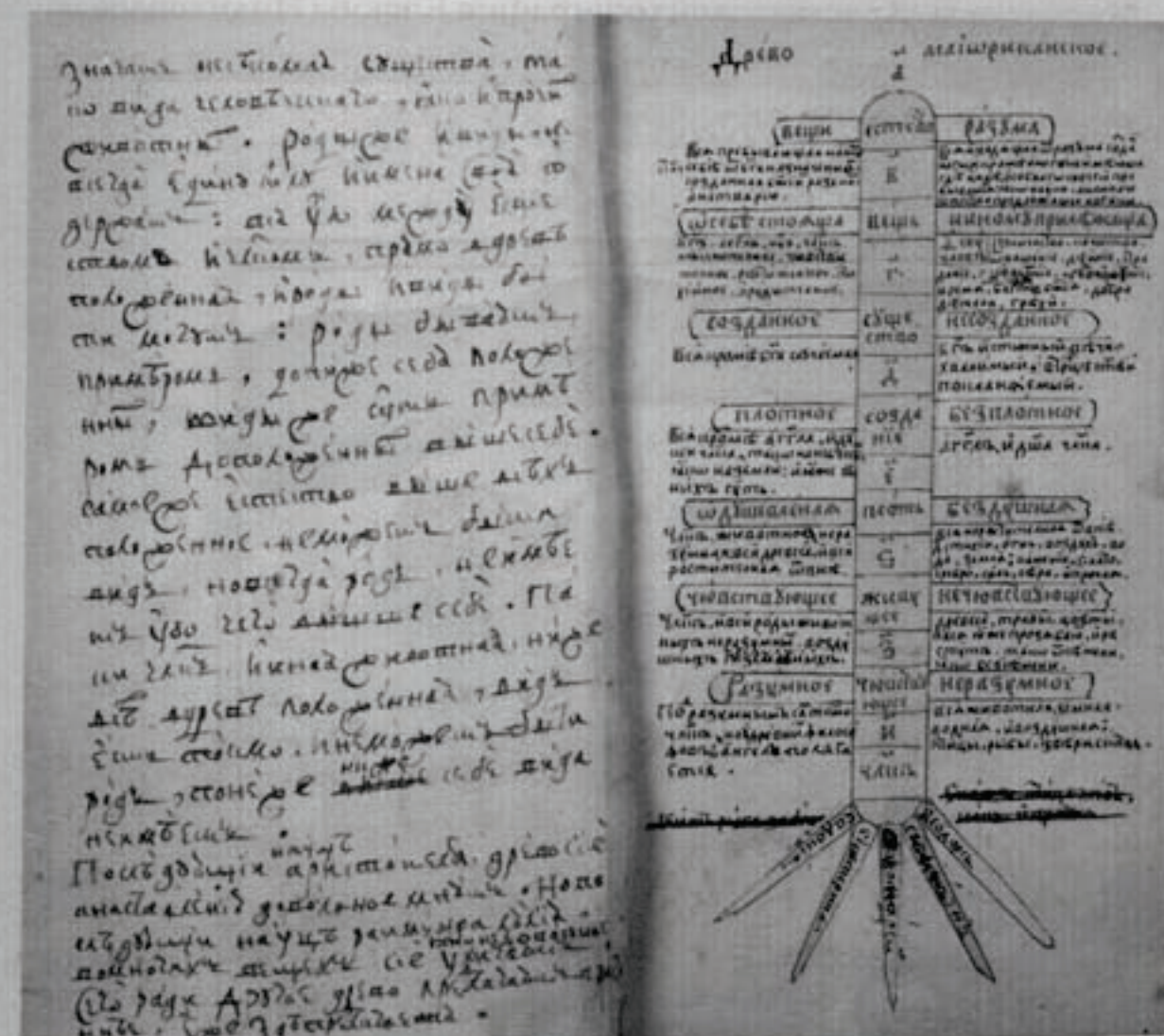

Рис. 23. «Великая наука» Раймунда Люллия в редакции А. Денисова (автограф А. Денисова)

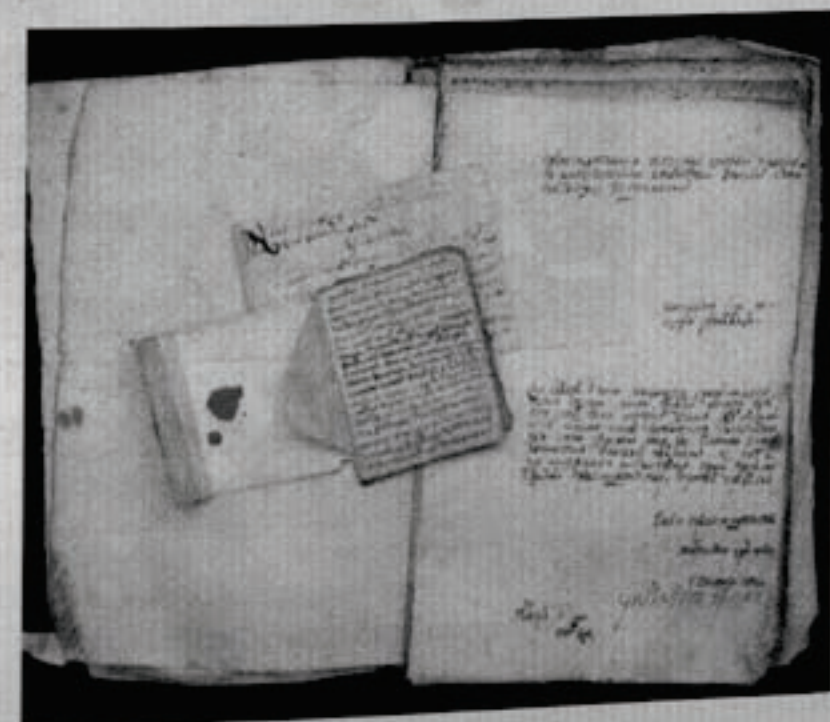

Рис. 24. «В конверте было искомое — подлинная „волхитная книжка“»

ЭСТОЯЩЕЕ КЪ СЕБѢ. ВЪ ТѢХЪ. КОИ НЕ СТОЯТЪ
КАКЪ СЕБѢ РАЗДЕЛИ. КЪ МЪНѢ ;

Здѣ на высотѣ елики перкии ицы сполна зидан
цем ивѣстено зкѣды раздѣлюще иидаице. о ки
оуко зкѣзды шлоаица.

Рис. 25. Строительство Вавилонской башни

Дѣже звѣзды, и слнцы и мѣцѣ иже соуть подтѣраю
ниже двю частю высоты ненымъ дѣжемы и ѡбра
щаемы шладжемы чина невидимыхъ силъ 3 .

Нѣнімі те єсть сѣмь пални. ѿже мѡѡ
сѣи по образи ;

Рис. 26. Знаки зодиака. Ангелы вращают небесные сферы

Рис. 27. «Град Венеция»

Рис. 28. «Тоземец» Индии

Дивій колъ великъ єсть индїйсїй
 се якыбоуно, ѿ него є рекѡмаа тѣфа
 єиже красѣ кони, ѿглози кнѣзи
 наполи. рѣша ѿне ꙗко аще прїи
 мѣа дръво крѡстѣ, негѡжитнесѣ на
 стѡи, ꙗко ѿма погубити класѣ єди
 нѣ ѿ него. прочее приходѣ домашнїи
 ѿптинѣю хвѡстѣ, и тогда кѣси бѣжѡди
 ꙗкоє погѡ єстество якы
 бѡтнатѣ • 7

Рис. 29. «Дивий (то есть дикий) вол» и «тоземец»

Рис. 30. «Тоземцы» и «телчеслон»

Рис. 31. «Единорожец» и «водный конь»

Рис. 32. «Вепреслон»

Рѣкъ пшеницѣ вино имѣло, ꙗкоже
попраждѣ въсѣи, чино лѣтъ ꙗко и
члѣн вѣтрѣ мѣся жатвены, грады ѹ
стрѣлю. подокаѣ ѹбо всѣхъ хри
стіанинѣ, непростѣ ниѣко прилѣчѣа.

сма

Рис. 33. «Слон» и «ноздророг»

Се, живѣа^{тъ} бѣтъ мѣсѣтъ, зѣ
кѣтѣе^{тъ} егѡ домашній свой ꙗзы,
но коеръ^{тъ} бѣтъ егѡ стрѣлю, ꙗкоже
плѣшка кровѣ шпѣтъ егѡ, ꙗко
бѣзакше шрѣмѣа, ꙗко бѣтъ часъ
егѡ благоуханна, сѣ бѣтъ нами,
неймый мѣсѣтъ. прочѣа^{тъ} плѣтъ
егѡ конѣ мѣсѣю.

Рис. 34. «Бобр»

Рис. 35. Три из четырех рукописных томов, созданных в конце XIX в. В семье зауральских крестьян Силиных и Макаровых, — огромная подборка авторитетных в народной среде сочинений прошлых столетий

Рис. 36. Хронограф XVII в. из приполярного поселка с рассказом о путешествии Колумба.

«В лето 6992 (здесь 1492 г.) отпустил Шпанской (Испанский) король Фердинат земли своего человека в дальняя страны и отoki моря именем Христофора..., а родом назывался Калимбос»

Ниже — об обменном торговле испанцев с аборигенами: туземцы «принесли много золота и камня драгого. И шпанове против того их дарили зеркалами, и склянками, и колокольчиками, а они у них принимали то за великий дар».

О путешествии Колумба рассказал в Москве Максим Грек

См. также: Максим Грек, «Путешествие Колумба», в: «Путешествия в Московскую Русь».

На описании этого переодевания внезапно обрывается текст «Повести дивной».

Осталась недописанной страница, на следующем листе писец успел проставить его номер — 232-й, но текста на этом листе уже нет.

Понятно, что наш источник не может объяснить, что случилось: смерть ли помешала закончить «Повесть», внезапный набег властей на скит или что-нибудь другое. Так «Повесть» неожиданно расстаётся со своим героем, оставляя его на новом пути в Сибирь.

Но есть другие источники.

В апреле 1868 г. бийский исправник Земляничин в донесении томскому губернатору сообщил следующее.

Весной и летом 1867 г. Крутоберезовское волостное правление (Алтай) получило два известия о том, что в непроходимых горных ущельях в верховьях реки Убы тайно живут неизвестные люди¹⁴. Однажды какой-то пасечник, возвращаясь с пасеки, заметил в глухом месте лыжный след и, пойдя по нему, спустя долгое время увидел жилище избушки, но испугался и повернул назад. В другой раз один крестьянин встретил в лесу примерно в тех же местах 14-летнюю дочь своего соседа, уехавшего, как считалось, в Семипалатинск. Девочка рассказала, что на самом деле их семья бежала в горы, в избушки, где жили старики; один из них начал обучать ее грамоте. Но девочка соскучилась в лесу и ночью одна тайно ушла домой, однако сбилась с пути и несколько дней блуждала по горам.

По этим известиям волостной старшина с понятыми отправился на поиски. Их отряд в конце концов вышел к шести избушкам, но скитников успели предупредить, и избушки были поспешно оставлены. В одной из них обнаружили рукопись, раскрытую на тексте о царствующем антихристе (подобных подпольных рукописей в тех краях бытовало тогда так много, что какой-то церковнослужитель в сердцах заметил, что местные жители все узнают об антихристе, еще ничего не зная о Христе).

Узнав об этой экспедиции, Бийский земский суд поручил своему заседателю Звенигородскому произвести дальнейшие розыски. Наведя справки окольными путями, тот выяснил, что жители этих избушек ушли верст за 70 в более глухие места, на Белую Убу, к заимке-пасеке поселившегося недавно там тобольского крестьянина Ивана Шадрина, тайного агента пустынножителей, всячески им помогающего.

¹⁴ О староверах Убы и их пасеках см. гл. 9.

Весной 1868 г. Звенигородский снарядил в эти места поисковый отряд. Правда, проводники из местных крестьян упорно мешали заседателю, десяток дней напрасно таскали его с одной горной вершины на другую, но в конце концов Звенигородский обманул их и обнаружил главный пустынножительный центр из четырех новых просторных изб с кузницей, слесарней, кладовыми, погребями. Захватили 100 пудов ржаной и 25 просяной муки, три пуда масла, два пуда сухой рыбы и «много смолотого в муку древесного гнилья (коры? — Н. П.)», употреблявшегося скитниками в пищу вместе с хлебной мукой. Хотя людей не было, но печи были еще теплыми, в одной из них осталась квашня заведенного теста. Звенигородский стал интенсивно прочесывать местность и в густом пихтовом лесу нашел большую группу мужчин и женщин, детей и дряхлых стариков. Вскоре он выловил еще несколько человек в окрестных лесах и на заимке Ивана Шадрина, где за пасекой он обнаружил помещение хорошо оборудованного скриптория; там было много рукописных книг, включая пергаментные, большой переплетный станок, различные краски и т. д. Многие конфискованные книги были потом Звенигородским с изрядной прибылью проданы каким-то другим алтайским старообрядцам. Не без горечи читал я донос об этой корыстной сделке. Ох уж эти представления русских провинциальных судебных о большой наживе, о покупной цене на собственную совесть. Любой настоящий коллекционер дал бы Звенигородскому за пергамент во много раз больше, чем он мог выручить на Алтае, а рукописи были бы спасены для науки.

Хотя Звенигородский узнал, что у разгромленного им скитского центра верстах в 20 имеется обширная периферия, где прячется немало беглецов, он отказался от дальнейших поисков из-за опасения, что не сможет конвоировать уже захваченных пустынников: их было около 70 человек!

И все они главным своим наставником называли «Владимира Григорьева Трегубова, ссыльно-каторжного из оренбургских казаков».

Владимир был захвачен вместе с остальными, в пихтовом лесу, и не думал отпираться от своего главенства. Среди его паствы оказались выходцы из разных губерний Европейской России, а также из соседних алтайских сел. Во «владениях» Трегубова были отдельные избы для мужчин, для женщин и для семейных. Хотя у некоторых скитников были паспорта, Владимир не разрешал их держать при себе, их уничтожали или прятали в особом месте на пасеке. Скиты Владимира были бегунскими, и такое отношение к паспортам соответствовало бегунской традиции — вместо официальных паспортов бегуны часто имели свои, своеобразно пародирующие формулы казенного паспорта. О других деталях идеологии этого центра документы почти не сообщают. Известно лишь, что скитники должны бы-

ли жить трудами рук своих, не отвергая и помощи «соседних» крестьян (ближайшее село было в 150 верстах). При скитах были огороды и мастерские, зерно и муку получали от «радетелей». В одной мастерской было меднолитейное производство — вероятнее всего, изготавливали застежки для книг. При обилии книг в скитах, при широких масштабах производства рукописных книг (о чем свидетельствовали многие арестованные), икон там не было; не было и отдельной молельной. Таким образом, в скиту Владимира отвергали иконы и публичное богослужение, что вполне согласуется, как мы видели, со сведениями «Повести дивной». Все это не было особой новостью для Алтая, где и раньше протест против официальной церковной идеологии, обряда, принимал еретические формы иконоборчества, немоления.

Несомненно, что и при «государе-освободителе» Александре II Владимир продолжал относиться к царской власти как антихристовой. И в этом также видно сходство скита Владимира со многими другими алтайскими скитами того времени как бегунскими, так и прочими. Хороший знаток раскола в пределах Томской губернии томский протоиерей Д. Н. Беликов особо подчеркивал именно эту сторону идеологии лесных беглецов. Так, например, более 80 обитателей скита Никиты Вихляева, существовавшего около 30 лет и раскрытого в 1874 г., заявляли, что «государя не признают, гражданские законы отвергают, податей не платят и платить не будут, паспорта в руки не возьмут».

И еще одна характерная черта, бросающаяся в глаза при чтении дела о разгроме алтайского скита Владимира Трегубова и заставляющая вспомнить сходные страницы «Повести дивной». При всем своем бегунском радикализме Владимир отнюдь не отгораживался от крестьян, принадлежавших к иным старообрядческим согласиям, в том числе к весьма распространенным в этих краях «поморскому» и «часовенному». Местные старообрядцы всячески помогали скиту Владимира, многие из них переселились туда. Бийский исправник сообщал губернатору: «Деревни, примыкающие к горам, раскольничьи исключительно, и оне как бы окарауливают входы в Алтай и тем охраняют тамошних пустынников. Не нужно забывать, что у раскольников имеется своя организация и при ее существовании нелегко выследить то, что старообрядчество желает скрыть сознательно и намеренно». Исправник предлагал поэтому не расширять следствия по делу скита Владимира, не вылавливать спасшихся беглецов, чтобы не вызвать «озлобления в деревнях». И губернатор послушался этого совета.

Из числа пойманных заседателем Звенигородским пустынников семеро, включая Владимира, были отправлены в бийскую тюрьму, остальных же разместили по дворам в деревне Верх-Убинской, под

надзором волостного правления. Но вскоре они начали разбегаться. К тому же среди поднадзорных вдруг «открылась усиленная смертность»: за первые три месяца умерло 27 человек и разбежалось 13. Лишь года через три, когда несколько человек «умерших» были вновь пойманы на Алтае в потаенных кельях, власти спохватились. Была назначена специальная комиссия от Главного управления Западной Сибири. Раскопали могилы, в гробах оказалась солома. Руководитель операции заседатель Будзинский включил в донесение слова: «Такие ли еще дела делались у нас в Бийском округе!».

Владимир к этому времени уже был в бегах. Свой третий побег он совершил с дороги, когда его вели в бийскую тюрьму. Вскоре власти узнали, что, собрав вокруг себя около 50 человек, он ушел создавать новый скит в более глухие места.

Это последние сведения известных сейчас источников о беглом каторжнике из оренбургских казаков Владимире Трегубове.

Теперь вернемся к оборванной на половине фразы рукописи «Повести дивной». Легко можно представить себе, как неизвестный грамотей из скита Владимира, создавая по рассказам главы скита его житие, был прерван вторжением отряда Звенигородского и бежал, унося с собою рукопись. (Кстати говоря, через несколько месяцев после набега заседателя выяснилось, что на пасеке Ивана Шадрина была захвачена лишь небольшая часть продукции трегубовского скриптория, остальное удалось спрятать и затем переправить в безопасное укрытие, куда ушли и невыловленные обитатели скита вместе со многими новыми пришельцами из-за Урала.)

Вроде бы перед нами поразительное совпадение: сделанное Звенигородским описание скриптория — и его продукция, рукопись «Повести дивной». И тогда оказывается, что наша рукопись писалась на пасеке Шадрина (или в главном скиту), раскрашивалась теми красками, о которых упоминает Звенигородский, переплеталась на захваченных им станке и прессе, переплет ее получил тиснение и медные застежки, спни, изготовленные в мастерских скита.

Может быть, так и было. Но есть два обстоятельства, говорящие против такого красивого предположения. Бумага рукописи, как мы упоминали, по штемпелю датируется не 1860-ми, а 1880-ми гг. Правда, мы не настолько хорошо знаем всю систему штемпелей того времени, чтобы быть абсолютно уверенными в точных границах употребления каждого из них, но все-таки разрыв получается слишком большой. Предположение о том, что перед нами созданный позднее кем-то список с подлинной, авторской рукописи «Повести», должно быть отвергнуто: наша рукопись имеет правку, сделанную тем же, основным почерком рукописи, а по содержанию правка эта является авторской, сделанной со слов Владимира.

Кроме того, следует помнить, что в 1868 г. Владимиру было лишь 40 лет. И хотя «Повесть дивная» прямо не говорит о возрасте алтайского наставника, вспоминающего о своей жизни, все же складывается впечатление, что возраст этот более почтенный; в предисловиях к «Повести» подчеркивается, что со времени подвига Владимира и его друзей прошло много лет, за время которых их история стала забываться.

Все эти соображения не имеют абсолютной доказательной силы, но все же заставляют предположить, что «Повесть дивная», возможно, была создана не в 1868 г., а на более позднем этапе жизни ее героя, в другом пустынножительном центре, созданном им после разгрома убинского.

Вот и все, что известно нам об этой интересной жизни и о книге, рассказывающей о ней. Жизни, наполненной яростным, пронзительным ощущением несправедливости, общественного зла, невозможности мириться с ним. Жизни, наполненной протестом и мученичеством, унижением и горделивым ощущением исключительности собственной земной миссии. Жизни, в которую вместились две экзекуции, две встречи с Христом, три побега, тысяч двадцать пять верст столбовых дорог и тайных троп, пройденных пешком, и по крайней мере три попытки создания общин, независимых от власти царствующего антихриста. Жизни, о которой российское общество и его историки не знали ничего.

* * *

Почти за двадцать лет до письма главного врача оренбургской больницы Кольшкина В. А. Перовскому с просьбой не посылать более на излечение убитых им людей он получил другое письмо. Вот оно:

«Посылаю тебе Историю Пугачева в память прогулки нашей в Берды; и еще 3 экзempl.[яра], Далю, Покатилову и тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем. Жалею, что в П.[етер] Б. [урге] удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом.

А. П.»

Адрес: Его превосходительству

м. г. Василью Алексеевичу

Перовскому

etc.

Текст этот публиковался неоднократно рядом с другими письмами Александра Сергеевича Пушкина, который давно уже был с Перовским на «ты». Пушкин гостил в Оренбурге в доме Перовского в 1833 г., за год с лишним до написания этого письма, когда он приезжал на Урал в поисках материалов для «Истории Пугачева». Перовский по-

мог ему в этих поисках, частью которых была и поездка в бывшую столицу Пугачева станицу Берды. Тогда же Перовский познакомил Пушкина с казачьим войсковым атаманом В. О. Покатиловым и охотником К. Д. Артюховым, «что вальшнепов сравнивает с Валленштейном», — В. И. Даль в своих известных «Воспоминаниях о Пушкине» приводит тот охотничий рассказ инженер-капитана Артюхова, который стал поводом для пушкинского подарка, излагает и историю подарка.

Сам Владимир Иванович Даль впервые встретился с Пушкиным за год до его оренбургской поездки, когда он подарил Пушкину экземпляр своих «Русских сказок». Позднее Даль не раз бывал у Пушкина в Петербурге; будучи врачом по образованию, он принял деятельное участие в лечении Пушкина после дуэли и был с ним до его последних минут.

В Оренбурге Даль пребывал не случайно — Перовский сумел устроить его при себе чиновником особых поручений. Беседы Пушкина с Далем в Оренбурге, в доме у Перовского, давно уже находятся в поле пристального внимания историков русской литературы и фольклора: спорят о том, сюжеты каких сказок Пушкина были сообщены ему во время этих бесед знаменитым фольклористом, а какие сказочные сюжеты, наоборот, Пушкин изложил Далю.

По одной из версий, тогда же Даль подсказал Пушкину и сюжет, легший в основу «Мертвых душ» Гоголя.

Знакомство самого Василия Алексеевича Перовского с Пушкиным гораздо более давнее. Они познакомились вскоре после выхода Пушкина из лицея, видимо, через В. А. Жуковского, другом которого был будущий оренбургский военный губернатор.

Связи Василия Алексеевича с литературными кругами шли и через близкого к декабристам его брата Алексея Алексеевича, одного из основателей Общества любителей российской словесности, писателя, весьма ценимого Пушкиным и смело защищавшего «Руслана и Людмилу» против недружественной критики.

Василий Алексеевич Перовский и сам был не лишен литературного дарования, о чем свидетельствуют публикации его писем к Жуковскому и его записок о войне 1812 г. Он был участником Бородинского сражения, а в 1839 г. успешно возглавлял поход на Хиву.

В критический день 14 декабря 1825 г. В. А. Перовский безотлучно находился при государе и поведение его контрастировало с трусостью многих придворных. Николай I хорошо запомнил это и в течение всего его правления В. А. Перовский исправно получал чины, звания, высокие должности. Полное одобрение царем мероприятий Перовского по пресечению дерзости усть-уйских казаков — лишь отражение этого императорского благоволения.

В 1855 г., когда, по мнению Владимира Трегубова, государь разгневался на Перовского за оренбургскую экзекуцию, он был возведен в графское достоинство.

Мы видим, таким образом, что главный отрицательный персонаж «Повести дивной» находился на самом верху николаевской провинциальной администрации и был далеко не худшим ее представителем, близким к высшим литературным кругам своего времени. И это обстоятельство делает куда более значимой позицию автора «Повести»: все было бы гораздо проще и неинтереснее, если бы она объяснялась лишь враждой к особенно солдафонистому чиновнику, более других приверженному к шпицрутенам. Но конфликт, так остро ощущавшийся оренбургскими казаками, был не личным, а общественным; мы видели, как многие подчиненные Перовского стремились всячески приглушить именно это звучание усть-уйского протеста, как они готовы были замять дело, не доводя его до публичной экзекуционной церемонии 3 ноября 1854 г., если бы только удалось заставить казаков покаяться, взять назад свои слова о победившем в России зле, о царствующем антихристе, согласиться опять служить ему.

И не вина казаков, что утонченный мир прекрасной культуры, к которому принадлежал В. А. Перовский, был так далек от их историософии и оборачивался к ним преимущественно этой экзекуционной стороной¹⁵.

Возвращаясь к началу нашего рассказа, можно констатировать, что именно здесь — великий трагизм толстовского ощущения темы,

¹⁵ Характерная деталь: во время своего пребывания в Уральске Пушкин останавливался в доме атамана В. О. Покатилова, подчиненного В. А. Перовского, которому тот покровительствовал. Пушкин был очень доволен приемом, он писал жене: «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду, — и накормили меня свежей икрой, при мне изготовленной». Великий знаток и пропагандист народного слова В. И. Даль посвятил Покатилову панегирическую статью, изобразив его любимцем казаков, чуть ли не былинным героем. Но как установил советский историк Р. В. Овчинников, тщательно проследивший судьбы всех лиц, с которыми сталкивался Пушкин в своей уральской поездке, характеристика эта далека от действительности. Казаки были крайне раздражены своекорыстием и самоуправством Покатилова, чуждого казачьим интересам. В 1837 г., когда тот дослужился уже до генерал-майора, казаки подали на него жалобу цесаревичу. Покатилов добился того, что в глазах В. А. Перовского и другого начальства этот случай стал выглядеть бунтом, и в результате последовали карательная экспедиция и суд над 96 казаками, большинство которых было наказано шпицрутенами и отправлено в сибирскую ссылку, а на все Уральские войска была наложена внеочередная военная служба.

ощущения лицемерия верхов крепостнического николаевского общества, разрыва между народной и «верхушечной» культурой. И когда мы размышляем о важнейшем феномене передовой русской культуры XIX в. — ее народности, следует всегда помнить, каким нелегким делом было преодоление этого разрыва¹⁶. Преодоление, происходившее на путях, далеких от пустынножительных рекомендаций «Повести дивной», но сохранявшее ее ощущение необходимости борьбы с общественным злом. Преодоление, осуществлявшееся, например, Пушкиным в работе над «Историей Пугачева». Все творчество автора этой серьезнейшей попытки проникнуть в самую суть русских народных движений явилось важнейшим для судеб России прорывом средостения между культурой верхов и низов. Во многом остается загадкой гения этот свободный выход пушкинской прозы и поэзии к истокам народной культуры и мировоззрения.

¹⁶ Далеко не самое главное, но примечательное: оренбургские казаки во время поездки Пушкина в Берды принимали его то ли за соглядатая, то ли за антихриста. Пушкин, по свидетельству Даля, лишь смеялся, узнав об этом, и, судя по его письмам, был очень доволен своими встречами и беседами с казачками.